

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 43

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 27-го октября 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

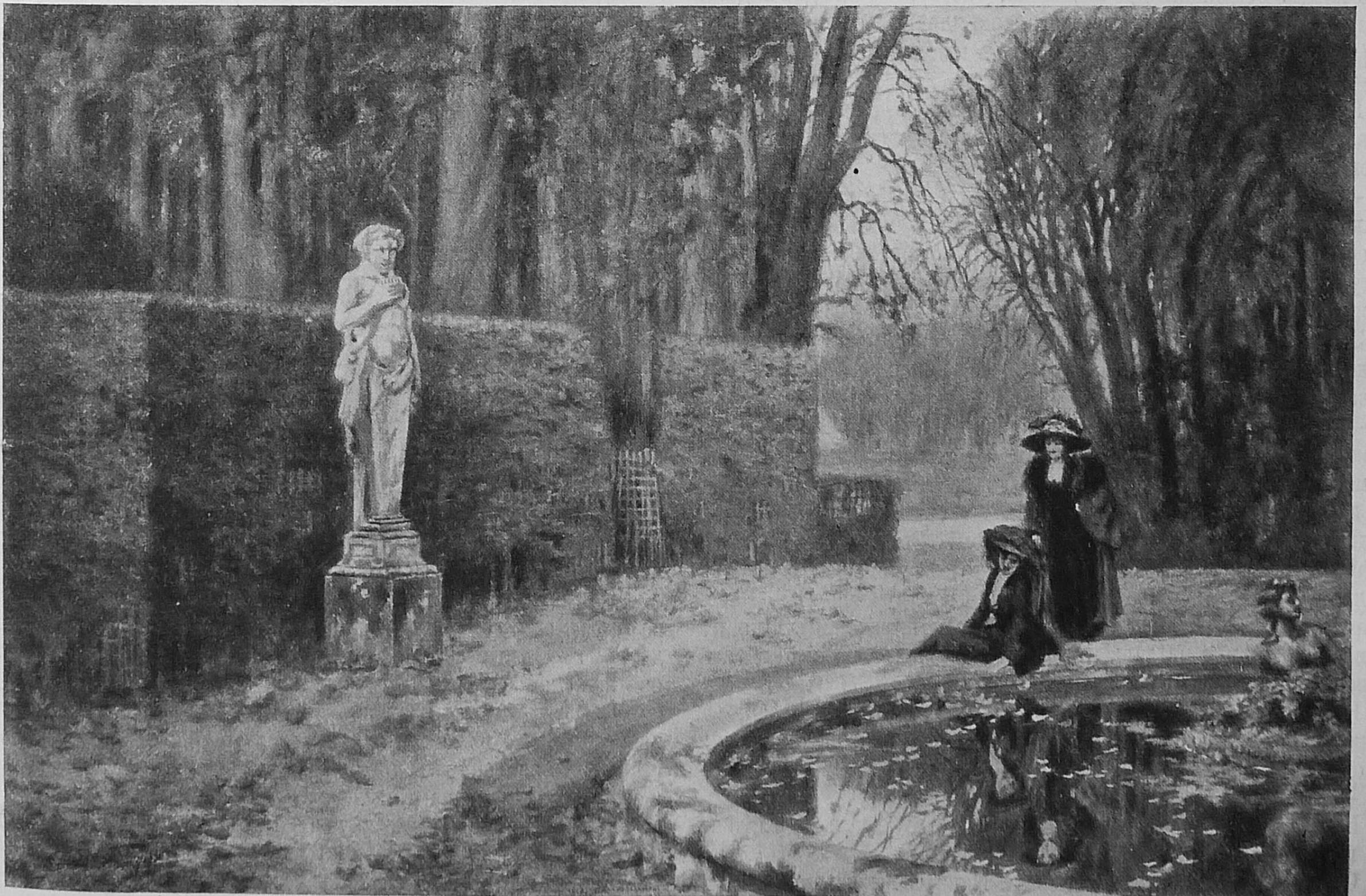
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. А. Фета“ кн. 6.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,
А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Э. Фурнье. Въ зеркаль бассейна.

К л а д ъ .

Разсказъ Г. Яблочкова.

(Окончаніе).

XIV.

Ночью Макару не спалось. Давно уже, съ самаго начала ссоры съ женой, онъ ночевалъ въ лѣтней избѣ, отдѣленной сѣнями отъ той половины, гдѣ жила Елена съ дѣтьми. Работникъ Никифоръ спалъ на сѣновалѣ.

Макаръ долго ворочался на лавкѣ. Ему стало душно, онъ всталъ и вышелъ посидѣть на крыльцѣ.

Полный мѣсяцъ стоялъ надъ зарѣчными голубыми лѣсами, серебрилъ пески, озерко и дорогу на той сторонѣ, перекидывался чешуйчатымъ мостомъ черезъ рѣку и заливалъ бѣлымъ мерцаньемъ улицы и дома. Въ черной тѣни стояла часовня на обрывѣ; на ней теплился только крестъ. Было часовъ десять. По дворамъ лѣниво перелазивали собаки; деревня спала послѣ цѣлаго дня гудьбы.

Макаръ долго сидѣлъ и смотрѣлъ на рѣку и на лѣсъ. Ему вспомнилось, какъ онъ встрѣчался весной съ Варварой, какъ захватили ихъ въ огородѣ, какъ онъ бушевалъ тогда... Какъ ходилъ къ озеру за кладомъ, какъ неожиданно ушла отъ него Варвара, какъ онъ мучился потомъ... Точно черная сила безъ передышки гнула, ломала и засовывала его все глубже въ дыру. А сегодня Варвара начнетъ по-настоящему жить съ Григоріемъ, и всему будетъ конецъ. Макару представилось, какъ слюнявый Гришка обнимаетъ и цѣлуетъ ее, и отъ боли у него закипѣли на глазахъ слезы, фдкія, какъ купоросъ.

На минуту въ немъ поднялся порывъ: „Ну, васъ всѣхъ совсѣмъ! Не хочу больше мучиться. Уйду, куда глаза глядятъ...“ Но у Макара не было уже силъ ни на что. Когда ему представилось, какъ онъ пойдетъ одинъ, неизвѣстно, куда, оставивъ и Кузьмино, и рѣку, и лѣсъ, и поля,—онъ увидѣлъ, что этого не можетъ быть. Куда пойти?..

Уронивъ безсильныя руки, онъ глядѣлъ на задумавшуюся рѣку, на подлунный паръ, мерцающій надъ лѣсами, и вспомнилъ про кладъ. Вспомнилъ про мельника, у котораго былъ двѣ недѣли тому назадъ, про его острые глаза, про длинный съ нимъ разговоръ... Макаръ снова почти вѣрилъ въ кладъ. Но и это было ни къ чему. На что теперь кладъ?..

И въ первый разъ въ жизни подступила къ Макару совсѣмъ новая мысль, взглянула спокойно въ глаза и шепнула, что лучше всего было бы помереть...

— Макаръ!..—долетѣлъ до него откуда-то громкій шопотъ.—Макаръ!..—и Макаръ вскочилъ, заметался, какъ потерянный, бросился-было по улицѣ, но вернулся и кинулся въ сѣни, а оттуда на дворъ. Подъ навѣсомъ, около калитки въ огородъ, стоялъ кто-то бѣлый и шопотомъ кричалъ:—Макаръ!..

Это была Варвара. Она стояла, опустивъ обѣ руки, выкрикала, какъ во снѣ:—Макаръ!.. Макаръ!..—и ее било всю, такъ что она едва держалась на ногахъ.

— Топиться побѣжала...—заговорила она хриплымъ голосомъ.—Простите, Макаръ Васильевичъ! Не поминайте лихомъ!—и медленно склонилась предъ нимъ до земли. Макаръ схватилъ ее за руку, потащилъ черезъ дворъ въ сѣни, оттуда въ избу, толкнулъ ее на лавку и забѣгалъ кругомъ. Выскочилъ въ сѣни, зачерпнулъ ковшъ воды и выпилъ. Постоялъ въ столбнякѣ и снова кинулся въ избу. Варвара лежала на лавкѣ, какъ мѣшокъ.—Варя! Варя!...—Она не отвѣчала. Выскочилъ опять, зачерпнулъ новый ковшъ, поставилъ на лавкѣ и опять побѣжалъ; на этотъ разъ заперъ на крючокъ дверь избы.

Варвара лежала, не шевелясь. Она была простоволосая, въ одной рубахѣ, босикомъ. Приподнявшись, она хлебнула воды и проговорила хрипло:

— Топиться побѣжала. Помереть надо мнѣ...

Присѣвъ на корточки около нея, Макаръ дрожалъ и гладилъ ее по волосамъ.

Снаружи постучали въ раму окна. Макаръ вскочилъ:

— Чего тамъ?

— Макаръ!—гудѣлъ взволнованный голосъ Михайлы:—Варвара, слышь, топиться убѣжала! Искали во дворѣ и въ огородѣ—

нѣту нигдѣ. Неравно и впрямь утопилась? Мы къ перевозу. Пойдешь, чтò ли, искать?

Макаръ захлопнулъ окно. Варвара заметалась по избѣ:—Топиться! Топиться!..—и рвалась къ дверямъ, такъ что Макаръ едва могъ ее держать.

— Пусти! Тошно! Утоплюсь! Опять туда... Пусти!

Она вилась и крутилась въ его рукахъ, кричала, царапалась и кусалась, потомъ ослабѣла и, прижимаясь всѣмъ тѣломъ, въ истомѣ шептала:

— А Гришка-то проти-и-вный! Слюнявый!.. Перенести его не могу...

Случилось чудо: ночью, въ темной избѣ для Макара и для Варвары загорѣлось яркое солнце. Они позабыли все.

Снова стучали въ окно. Разставивъ ноги и утирая пальцемъ носъ, стоялъ на дворѣ Гришка и говорилъ:

— Нигдѣ не нашли. И у перевоза не было ея. Можетъ, ты ее видѣлъ, Макаръ? А?

— Пошелъ къ...—выругался Макаръ.—Живо!

— Чего лаешься-то!—обидѣлся Гришка.—Можетъ, у тебя еще она и схоронилась... Тоже на чужихъ женъ...

— А вотъ хочешь, я тебя стукну полѣномъ по башкѣ?—въ бѣшенствѣ проговорилъ Макаръ, высунувшись изъ окна.

Сейчасъ же затряслась запертая дверь. Макаръ въ ярости кинулся къ ней. Тамъ была Елена:

— Макаръ Васильичъ! А ты Варвару искать не ходилъ? Боимся, не утопилась ли она... Отъ Григорья она убѣжала...

— Спать хочу!—зарычалъ Макаръ.—Ступайте вы всѣ къ чертямъ! Не хочу я ничего больше знать.

Онъ гналъ мысль о томъ, чтò будетъ дальше. Ему было не до того. Онъ вернулся къ Варварѣ, покорно и счастливо ожидавшей его. Ослѣпительный свѣтъ опять загорѣлся въ темной избѣ.

— Варя!—шептала она.—Землю переверну, а тебя никому не отдамъ! Люба ты моя! Самъ не знаю, чтò теперь сдѣлать смогу. Конченный человѣкъ былъ, а теперь словно ожилъ.

— Какъ пала тогда мамонька предо мной на колѣни,—говорила Варвара:—такъ я словно ума рѣшилась. Побѣжала утромъ молиться въ село—чую, что не надо мнѣ ни Бога ни матушки, ничего,—и встрѣтилась тутъ съ тобой. И стала я тогда выкрикивать. Ударить меня о землю, и кричу, удержаться не могу. И Бога кляню и матушку кляню, противъ всего бунтую... Каждый день мамонька къ намъ приходила и все уговаривала. „Сдѣлала ты, говоритъ, уже полдѣла, дочка. Додѣлай теперь до конца. Живи съ Григоріемъ, роди отъ него ребенка. Сдѣлай это для меня. вѣкъ за тебя Бога молить буду.“ И всѣ уговаривали. А я не могла. Какъ подойдетъ онъ ко мнѣ, слюнявый да соплявый, такъ у меня въ глазахъ почернѣетъ, забьюсь вся и давай кричать. И сегодня вотъ совсѣмъ ужъ уговорили, такъ и порѣшила: надо такъ, Богъ такого подвига хочетъ. А какъ остались мы съ нимъ на одинъ, такъ я опять словно ума рѣшилась. Матушка тутъ прибѣжала и Арина—уговариваютъ меня, ругаютъ, силомъ заставить хотѣли, а я вырвалась и побѣжала...

— Люба моя!—повторялъ Макаръ.—Не отдамъ тебя теперь никому!—и сжималъ ее такъ, что она слабо смѣялась...

Ночь летѣла и летѣла на безшумныхъ крыльяхъ навстрѣчу солнцу, и они говорили и не могли наговориться. Переливали другъ въ друга свои сердца, снова наполняли и переливали опять.

— Ой, любовь ты мнѣ, Макарушка!—шептала Варвара.—Дѣвчонкой еще любила тебя. Краше да лучше никого не находила. Знала, что заказанъ ты мнѣ, что и смотрѣть-то на тебя грѣхъ, а украдкой возьму да и погляжу...

Стало свѣтать. Проходила ночь. Недалеко было солнце—начали пѣть пѣтухи. Пока было темно, думалось какъ-то, что до утра далеко, и что случится, можетъ-быть, чудо—никогда не кончится ночь. Но незамѣтно и упорно подходилъ жестокой день, разгоняя темноту. Вставала мысль: чтò дѣлать теперь?

Первая опомнилась Варвара.—Свѣтаетъ!..—воскликнула она

и затихла. Потомъ забила, какъ птица:—Пусти меня, Макаръ! Пусти! Уйду я. Ой, пусти!

— Да куда же тебѣ итти?—говорилъ ей Макаръ.—Никуда я тебя не пущу. Не отдамъ тебя никому.

— Пусти, ой, пусти, Макаръ! Надо бѣжать. Пусти! Господи Батюшка, что я надѣлала? Съ кѣмъ ночку прокоротала!

Макаръ опять держалъ ее изо всѣхъ силъ.

— Пусти!—кричала Варвара.—Нѣтъ мнѣ прощенья! Господи Батюшка, да что же мнѣ дѣлать?

Въ дверь застучали снаружи такъ, что она затряслась.

— Вотъ она гдѣ! — вопилъ разгнѣванный голосъ Елены. — Вотъ ты куда топиться побѣжала! Съ ногъ всѣ сбились, искавши, а она у меня же въ домѣ съ любовникомъ спитъ! Ахъ, ты...

— Охъ!—крикнула Варвара, точно ее хлестнули кнутомъ, и встала бѣлая, какъ полотно. Потомъ кинулась, распахнула дверь и, упавъ къ ногамъ Елены, закричала:

— Мамонька, прости!..

Гнѣвная Елена пнула ее ногой и плюнула ей въ лицо.

— Охъ!—крикнула снова Варвара и пустилась бѣжать.

На одинъ моментъ Макаръ остался съ Еленой лицомъ къ лицу. Потомъ онъ сшибъ ее ударомъ кулака съ ногъ и бросился за Варварой.

Она была уже далеко и птицей неслась по спуску къ рѣкѣ. „Около перевоза омутъ!“—мелькнуло у Макара въ головѣ, и онъ помчался изо всѣхъ силъ, но видѣлъ только, какъ, завернувъ по берегу, Варвара зайцемъ пролетѣла по парому и, взмахнувъ руками, кинулась съ него внизъ.

XV.

Дней черезъ пять послѣ этого Елена сидѣла въ кухнѣ барской усадьбы у кумы своей, кухарки Авдотьи, и горько плакала, утирая подоломъ глаза. За это время ея лицо осунулось и постарѣло на десять лѣтъ.

— Ой, матушка ты моя, Авдотьюшка, милая!—жалобно причитала она.—Такія-то дѣла, такія-то дѣла, что ужъ чисто ума я рѣшаюсь. Кажись, и не бывало николи такихъ дѣловъ-то, — ровно свѣтопреставленіе началось. Не будь малыя дѣтки мои, птенцы несмысленныя, навязала бы себѣ камень на шею да и кинулась бы въ омутъ головой.

— Такъ какъ? — говорила Авдотья, ожесточенно вытирая мочалкой чугунъ, въ которомъ варились къ обѣду щи для рабочихъ.—Такъ, говоришь, и сидятъ, запершись? и на волю не выходятъ?

— Такъ, милая, и сидятъ. Изнутри дверь-то на крюкъ заперли да и сидятъ. И ничего, милая, не слышно. Живы ли, мертвы ли, ничего не слышно. Да кабы-то ужъ померли!.. Живы они, окаянныя. Не помрутъ. Не пошлетъ Господь такой милости.

— Да вѣдь ѣсть-то, чать, надо? Ъдятъ они, чать, что-нибудь?

— Ъдятъ, милая, какъ не ѣсть, ѣдятъ. Еще какъ только заперся онъ, посидѣли они, голубушка ты моя, молча, потомъ отперъ онъ дверь, Макаръ-то, выходитъ, идетъ къ намъ, въ жилую-то избу, и хватъ каравай хлѣба. Потомъ картошки взялъ, посуды къ себѣ унесъ, самоваръ маленькій взялъ, все, милая, взялъ. А еще допрежь того, только что приволокъ онъ ее, Варьку-то, посидѣли они запершись, выходитъ онъ, голубушка, а я-то въ сѣняхъ. Взглянула на него, да такъ и обомлѣла—вода течетъ со всего, одежда облипла, а самъ бѣлый-бѣлый, какъ стѣна. Только глаза, какъ у волка, такъ и горятъ. Не говоря, милая, худого слова, прямо да мимо меня, взялъ изъ голбца рубаху мою, сарафанъ, милая ты моя, да платокъ желтый съ разводами, да зипунъ синяго сукна хорошій, схватилъ все въ охапку и опять къ себѣ. Для нея-то. Голая вѣдь она къ нему, почестъ, совсѣмъ прибѣжала отъ Гришки-то, — какъ выскочила тогда, такъ въ чемъ была къ нему и прибѣжала. Такъ это мое же, чтобы одѣтъ-то ее и взялъ!.. — не выдержавъ, снова зарыдала Елена.

— Ай-ай-ай!—сокрушенно качала головой Авдотья, продолжая шуровать чугунъ.—И до чего только дошелъ народъ! Ни въ Бога ни въ чорта не вѣрятъ, о чемъ и подумать-то страшно — все дѣлаютъ. Ну-ка-ся! Со своей же жены дочкой спутался! Вѣдь она ему, по церковному-то тоже, чать, дочка приходитъ. Грѣхъ-то, она ему, по церковному-то тоже, чать, дочка приходитъ. Грѣхъ-то, какой! Ай-ай! Говорили тутъ у насъ, будто чуть не потопили оба? Ужъ и впрямь лучше бы потонули, чѣмъ такой срамъ предъ людьми выносить. А съ чего она въ воду-то кинулась?

— Со стыда, милая. Не иначе, какъ со стыда. Стыдъ ее, должно-быть, зазрилъ. Плюнула я тутъ въ нее, какъ съ Макаркой-то ее застала, плюнула ей въ безстыжую ея рожу. Ахъ ты, моль, вотъ ты на что пошла! А она какъ вскричитъ, да изъ избы, да прямо къ рѣкѣ. А онъ-то за ней. А я, милая, какъ сумасшедшая, за ними. Вижу, сначала она, а за ней онъ—бухъ, бухъ въ воду! А вода-то быстрая, да берегъ-то крутой; схватилъ ее Макаръ, плыветъ, а его къ кручѣ относитъ. Закричала я тутъ; выскочилъ Матвѣй-перевозчикъ, да лодку имъ и подаль.

— Хорошо еще, хоть Мотыка-то скоро проснулся, а то иной разъ дрыхнетъ, дрыхнетъ, чисто изъ пушки пали, и то не услышитъ. Потопили бы оба,—проговорила Авдотья.

— Ой, милая, да и лучше бы ужъ потопили! Хотъ сразу бы Господь покаралъ, а то теперь только маята одна. И сама не знаю, зачѣмъ я Матвѣя-то разбудила, — видно, ужъ сердце у меня такое—все-таки мужъ да дочка мнѣ! И стою я, милая, на бережку, трясуся сама, плачу, думаю: — дѣточки вы мои милыя!.. Стою такъ — солнышко восходитъ, ясность да тишина, рѣка свѣтлая, птицы поютъ, — а онъ вылѣзъ изъ лодки, Макаръ-то, взялъ Варвару въ охапку, да, не говоря ни слова, вверхъ на гору, къ себѣ. А лицо, какъ у сатаны, и зубами лязгаетъ. Стою такъ, смотрю, крутится все у меня въ глазахъ, а Матвѣй-то подходитъ ко мнѣ и говорить: „Это, говоритъ, тетка Елена, что же такое за происшествіе? А?“ Сѣла я тутъ, голубушка ты моя, залилась слезами, заголосила крикомъ, ударила о сырую землю, вижу, крестъ на часовнѣ:—За что,—кричу:—Ты меня покаралъ?—Вскочила и побѣжала домой. Прибѣжала домой, а они уже и заперлись. Да съ тѣхъ поръ и сидятъ. И что дѣлаютъ—неизвѣстно.

— А Лаптевы-то, милая, что же?—разспрашивала любопытная Авдотья. — Тоже вѣдь, чать, изъ ихней семьи. Неужели такъ-таки и ничего? Ушла баба и все тутъ? Тоже, чать, не больно-то хорошо...

— Да что Лаптевы, родная...—продолжала Елена.—Лаптевы, народъ посторонній. Не болитъ вѣдь имъ, какъ мнѣ. Если бы еще хотъ Гришка настоящій мужикъ былъ, а то вѣдь что онъ? Человѣкъ не человѣкъ. Приходили они, милая, и Михайла, и Гришка, и еще, почитай, полдеревни сошлось, такой шумъ, что не приведи Богъ, стоялъ подъ окномъ у Макара, и кричатъ: „Это ты что же, моль, затѣялъ? Это, моль, не рука! Отдай чужую жену мужу!“ А онъ-то, Макаръ-то, какъ высунется изъ окна, да въ рукахъ-то ружье, да какъ крикнетъ:—„Убыю!“—такъ всѣхъ ихъ и разнесло, ровно мякину вѣтромъ. „Мы, говорятъ, его знаемъ. Онъ, говорятъ, человѣкъ опасный. Долго ли до грѣха?“ Такъ, милая ты моя, и оставили ихъ. И ни отъ кого мнѣ, сиротѣ бѣдной, ни защиты ни заступы нѣтъ...

— И такъ-таки никого до себя не допускаетъ?

— Никого не допускаетъ. Только Алексѣй-лѣсникъ къ нему и ходитъ. Тотъ каждый день раза по два заходитъ. Съ самой вѣдь весны они спутались, и дружба да разговоры у нихъ пошли...

Отворилась дверь, и въ кухню ввалились работникъ Яковъ, за нимъ Михайла, Гришка и двое мужиковъ. Всѣ были взволнованы и возбуждены. Перекрестившись на икону, Михайла сказалъ:

— А, свахонька! Добраго здоровья!—и съ занятымъ видомъ обратился къ Авдотѣ:—Барина бы, госпожа стряпка, намъ надо.

— Барина?—весело переспросила та.—Ишь, какой важный дядя Михайла сталъ. Къ намъ и ходить не хочетъ. Все къ барину да къ барину. А зачѣмъ тебѣ барина?

— Стало-быть, дѣло такое есть, — вѣско отвѣтилъ Михайла и независимо усѣлся на лавку.

— Ишь, какіе дѣловитые нонче всѣ стали! — продолжала Авдотья. — Баринъ сейчасъ завтракать будетъ. Подожди, побесѣдуй съ нами.

— Неколи намъ съ тобой разговаривать. Дѣло-то, слышь, важное. Вотъ сваха Елена знаетъ, поди, какое дѣло.

— Нѣтъ, свахушка, — сдержанно отвѣтила Елена.— Не знаю я, какія у васъ дѣла. Есть у насъ съ тобой дѣло одно вѣковѣчное, да, видно, Господь Богъ одинъ намъ въ немъ поможетъ.

— Все то же дѣло, свахонька. Муженька твоего касающее. Насчетъ Макара. Небольно ладно ведетъ онъ себя. Обижаемся мы на него.

Ж. Лефлеръ. Соколиная охота.

— Тоже, какое дѣло затѣялъ! — со злобой сорвался вдругъ Гришка. — Ишь, ты! Одинъ хочетъ кладь взять! Нѣтъ постой! Мы этого не дозволимъ. Это общественное дѣло.

— Постой, помолчи! — сурово сказала Михайла. — Кричалъ бы, когда надо, а то теперь хайло разѣваетъ! Кладь, слышь ты, тетка Авдотья, Макаръ поднять хочетъ. Коло Дикова озера кладь.

— Это гдѣ весной-то копались?

— Вотъ, вотъ. Денегъ тамъ, въ грамотѣ, слышь, сказано, несмѣтно закопано. А грамота у Степана-Колокольца. А со Степаномъ-то условились мы. Разодрались они съ Макаромъ — такъ вотъ мы и уговорились сдѣлать артель. А тутъ Макаръ съ Алексѣемъ да съ мельникомъ съ Горѣлой мельницы итти его поднять хотятъ. Они такого права не имѣютъ. Степановъ кладь, а не ихъ.

— Никакого права не имѣть! — сорвался опять Гришка. — Тоже пряткѣй какой выискался! Съ колдуномъ! Нѣтъ, тутъ артельное дѣло!..

— Погоди! — крикнулъ на него Михайла. — Не мѣшай. Вотъ и хотимъ мы съ барининомъ потолковать, нельзя ли Макарку твоего остановить. Чтобы не совался онъ. А то они не сегодня-завтра туда, на кладь-отъ, окончательно ѣхать хотятъ.

— А откуда знаете-то вы? — съ волненіемъ спросила Елена.

— Мы про все обстоятельно извѣстны, — важно произнесъ Яковъ, набивая трубку. — Они съ мельникомъ черезъ день выдаются. И Макаръ къ нему ѣздилъ, и Алексѣй ходилъ. Работникъ съ мельницы, паренекъ одинъ, все намъ разъяснилъ. Мельникъ самъ два раза къ озеру ходилъ, мѣсто осматривалъ.

— А мельникъ-то колдунъ, еретикъ, — снова не вытерпѣлъ Гришка. — Онъ народъ совращаетъ. Въ свою вѣру переводитъ. Къ нему, слышь, по ночамъ люди сходятся да пню молятся. Тоже, если становому донести...

— Не суйся! — оборвалъ его Михайла. — Вѣрно. Еретикъ онъ, мельникъ-то. У него книги по пуду каждая, въ четверть толщиной. Изъ скитовъ онъ, бѣглый, Богъ его знаетъ, можетъ, чорту давно душу продалъ. Вотъ мы и не хотимъ. Барина намъ надо. Можетъ, какъ-нибудь воспрепятствовать можно.

Изъ барской половины выскочила молоденькая горничная и, приплясывая, пошла по кухнѣ. Работникъ Яковъ, вынувъ изо рта трубку, подождалъ, пока она поравнялась съ нимъ, и сдѣлалъ тогда ртомъ: „Ку-икъ!“

— Ой, лѣшій, напугалъ какъ! — вздрогнула горничная и крикнула Авдотѣ: — Авдотья! Пирожки готовы? Баринъ завтракать требуетъ.

Авдотья открыла заслонку печи и начала тамъ возиться, а Михайла, просвѣтлѣвъ, сказалъ горничной:

— Сорѣка, барина бы намъ повидать!

— Кому сорока, а тебѣ Катерина Семеновна, — вздернувъ носъ, отвѣтила горничная и, схвативъ со стѣны ключъ, побѣжала въ погребъ.

— Ишь, ты... — укоризненно произнесъ Михайла.

— Она у насъ гордая, — сказала Яковъ. — Намъ, деревенскихъ, не уважаетъ. Больно, говоритъ, отъ васъ духъ густой.

Все замолчали и поднялись. Въ кухню поспѣшно вбѣжала сама барыня, маленькая, тол-

стенная, съдая, съ румянымъ лицомъ. Переваливаясь съ ноги на ногу, она озабоченно заговорила:

— Авдотьюшка, какъ пирожки-то? Баринъ вѣдь любитъ поджаристые и румяные. Ну-ка, покажи.

Мужики стояли и кланялись.

— Здравствуй, Михайла. Здравствуй, Григорій. Здравствуй, Елена,—говорила барыня, возясь у печки. — Вамъ что? По дѣлу пришли?

— Барина намъ бы повидать, — чинно отвѣтилъ Михайла. — Насчетъ, вишь, Макара. Обижаемся мы на него.

— Твой Макарь,—заговорила Еленѣ барыня:—самый неприятный мужикъ. Я это тебѣ всегда говорила. Ты хорошая женщина, а онъ смутьянъ. Гордый и непочтительный, смотритъ, какъ волкъ. Никогда я его не любила...

— Ёсть хочу! — раздался изъ комнатъ зычный крикъ, и барыня, не договоривъ, убѣжала съ тарелкой пирожковъ. Черезъ минуту, приплясывая, пробѣжала изъ погреба горничная, держа въ рукахъ окорокъ и масло, а еще черезъ минуту выскочила опять и крикнула:

— Идите на дворъ, подъ окно. Баринъ велитъ.

Всѣ вышли на дворъ, остановились передъ окномъ и сняли шапки. Въ окнѣ появилась голова барина съ большими съдыми усами. Его подвезли на креслѣ къ окну. Онъ спокойно кивнулъ мужикамъ и густымъ голосомъ проговорилъ:

— Что скажете?

Во дворъ вихремъ влетѣла дѣвчонка Настюшка и, задыхаясь отъ волненія, визгливо крикнула Еленѣ:

— Тетенька Елена! Дядя Макарь ѣхатъ куда-то собрался. Ужъ и лошадь запрягъ.

Елена пустилась со всѣхъ ногъ черезъ дворъ по перегону къ своей избѣ. Перебѣгая черезъ улицу, она замедлила шаги, и какъ разъ въ это время Макарь вывелъ со двора лошадь, заперъ ворота и началъ шагомъ спускаться къ перевозу. Угрюмо понурившись, онъ глядѣлъ прямо передъ собой. Рядомъ съ нимъ была Варвара. Несмотря на жаркій день, ея лицо было закутано въ платокъ, и она сидѣла, нагнувшись впередъ, какъ-будто у нея нестерпимо болѣла голова.

Съ невыносимой тоской Елена провожала глазами удаляющуюся телѣжку и, когда она скрылась за поворотомъ, побѣжала къ часовнѣ, откуда былъ виденъ перевозъ. Не отрываясь, она смотрѣла внизъ, и, точно почувствовавъ ея взглядъ, Макарь поднялъ глаза. Онъ сейчасъ же сердито отвернулъ голову въ сторону, и Еленѣ захотѣлось крикнуть дикимъ голосомъ и, взмахнувъ руками, кинуться съ крутого обрыва внизъ.

Не отрываясь, она слѣдила, какъ телѣжка въѣхала на паромъ, какъ медленно поползла на паромѣ черезъ рѣку, проѣхала шагомъ по лосу песка, поднялась на усаженную ивнякомъ дорогу и, быстро покотивъ, скрылась въ лѣсу. Тогда Елена схватилась и побѣжала домой. Шатаясь, какъ пьяная, добралась до крыльца, увидѣла изъ окошка валившую изъ усадьбы гурьбу мужиковъ, среди которыхъ былъ теперь и Степанъ, услышала, какъ Михайла, покрывая всѣ голоса, кричалъ: — А коли нельзя, такъ

Ф. Ленбахъ. Танцовщица Сахаретъ.

и сами управу найдемъ!—потомъ, не помня себя, свалилась на лавку и начала голосить.

XVI.

Бхали молча, каждый погруженный въ свое. Время отъ времени Макаръ оглядывался кругомъ и ударялъ гнѣдого вожжей, но тотъ и безъ того бѣжалъ хорошо. Варвара раскутала голову и тоскливо смотрѣла на обступившій дорогу лѣсъ. Такъ проѣхали версты пять.

— Должно-быть, Алексѣя скоро настигнемъ,—тихо промолвилъ Макаръ, не поднимая головы.—Не болѣ, какъ за часъ, онъ до насъ вышеть. Говорилъ, присядеть гдѣ по дорогѣ и подождетъ.

— Страшно мнѣ, Макаръ,—проговорила Варвара, повернувъ къ нему лицо. Макаръ увидѣлъ въ ея глазахъ темный испугъ, который сейчасъ же отозвался и въ немъ.

— Чего страшнаго-то?—притворно бодро сказалъ онъ.—Вотъ погоди, скоро все будетъ хорошо. Возьмемъ мы съ мельникомъ кладъ, уѣдемъ съ тобой и заживемъ

— Боюсь я, Макаръ,—повторила Варвара.—Бдемъ мы невѣдомо, куда.

Макаръ боялся и самъ. Съ перваго же свиданья съ мельникомъ онъ почувствовалъ къ нему непонятный страхъ. Онъ повѣрилъ, правда, въ кладъ, но ни за что бы за нимъ не пошелъ. Слишкомъ ужъ непонятно и страшно стало теперь то, что ожидало его тамъ. Но за эти пять дней, что они съ Варварой просидѣли, запершись въ избѣ, Макаръ окончательно рѣшилъ. Только кладъ могъ его спасти. И вышло странно: душа Макара точно раздѣлилась пополамъ. Одна половина вѣрила въ мельника и слѣпо шла впередъ, другая отстала и, заливаясь ужасомъ, хотѣла бѣжать.

И вспомнилось Макару: еще когда былъ парнемъ, пошелъ онъ разъ въ городъ, подошелъ къ мосту черезъ рѣчку съ крутыми берегами и видитъ—разобранъ мостъ, и протянулось черезъ рѣчку на сваяхъ одно только бревно. Пошелъ онъ по этому бревну, дошелъ до середины, и у него закружилась голова: внизу бѣжала вода, торчали сваи, валялся деревянный хламъ. А повернуть было уже нельзя. И потянуло его тогда съестъ и сидѣть, ухватившись руками за бревно. Но онъ пошелъ и глядѣлъ только впередъ, чувствуя, что подъ ногами нѣтъ ничего.

То же было и сейчасъ: онъ шелъ точно по бревну высоко надо всѣмъ и боялся заглянуть въ пропасть, которая сторожила внизу. Но повернуть было нельзя, и смѣлой половиной души онъ бодро говорилъ Варварѣ:

— Не бойся ничего. Знаю я, что съ мельникомъ мы добудемъ кладъ. А тогда... заживемъ мы, Варя, съ тобой!..

Черезъ полчаса догнали Алексѣя. Еще черезъ часъ свернули на боковую дорогу; скоро впереди послышался ровный шумъ воды. У Варвары затрепетало, какъ птица, сердце: ей хотѣлось бы, чтобы этотъ путь не кончался никогда. Но уже потянуло свѣжестью, разступились деревья, замелькали строенія, и они вѣхали на мельничный дворъ.

Макаръ отпрягъ и поставилъ лошадь, и не успѣли оглянуться, какъ подбѣжалъ къ нимъ маленькій мальчикъ и важно проговорилъ:

— Дѣдушка Аввакумъ къ себѣ васъ кличетъ.

У всѣхъ такъ и заколотилось въ груди. Обогнули мельницу, вошли въ большую пристройку съ другой стороны, поднялись изъ сѣней по лѣсенкѣ наверхъ и очутились въ свѣтелкѣ, окна которой выходили на мельничный прудъ. Тамъ были двѣ лавки, маленькій столикъ, полки по стѣнамъ, и вездѣ—на полкахъ, на гвоздяхъ, на веревкахъ, протянутыхъ отъ стѣны къ стѣнѣ,—висѣли и лежали мѣшечки и пучки травъ, стояли банки и бутылки съ настоями. Мельникъ былъ извѣстный знахаръ, и къ нему сходилось со всей округи много больныхъ.

Едва успѣли сѣсть, какъ растворилась другая дверь, и въ свѣтелкѣ появился Аввакумъ. Это былъ старикъ лѣтъ 65, маленькій, непривѣтливый на видъ. Черная съ просѣдью борода росла у него отъ самыхъ глазъ, опускаясь до половины груди, и изъ-подъ мохнатыхъ бровей зорко смотрѣли колючіе глаза. Онъ былъ одѣтъ въ кафтанъ, на головѣ была мохнатая шапка, на ногахъ сапоги. Правая нога у него срослась въ колѣнѣ, и оттого онъ подпрыгивалъ на ходу.

— Здравствуй, Макаръ! Здравствуй, Алексѣй!—быстро заговорилъ онъ, бокомъ, какъ галка, подсакивая къ нимъ и, взглянувъ на Варвару, прибавилъ:—Здравствуй и ты. Пріѣхали? Ну,

и хорошо. Ступайте пока въ избу. Когда нужно, скличу. А я пока помолюсь.

Часа черезъ три Макаръ, Алексѣй и Варвара снова сидѣли въ этой же горенкѣ наверху. Стояла полутьма, на столикѣ колыхался огонекъ восковой свѣчи, и развѣшенные по стѣнамъ пучки травъ, казалось, шевелились отъ ходившихъ по нимъ тѣней.

За дверью, въ сосѣдней горницѣ, куда не входилъ никто, былъ мельникъ. Онъ двигался тамъ, громко читалъ, пѣлъ, иногда что-то кричалъ. Работала мельница, деревянные стѣны тряслись, стоялъ ровный гулъ. Уже два раза отворялась дверь, и изъ закрытой горницы выскакивалъ мельникъ. Какъ галка, скакалъ по свѣтелкѣ, размахивая кадильницей, кадилъ, потомъ снова пѣлъ, читалъ и кричалъ.

Прижимаясь къ Макару, Варвара сидѣла ни жива ни мертва. Лѣсникъ Алексѣй дрожалъ, какъ осиновый листъ, и Макару казалось, что онъ видитъ все это во снѣ. Черная ночь давно уже смотрѣла въ окно, жидкая постройка вздрагивала и тряслась, точно грозная сила ураганомъ налетала на нее со стороны. Снова отворилась дверь, выскочилъ мельникъ и, выкликая слова, завертѣлся волчкомъ. Оторвавшись, порхнуло легкое пламя свѣчи. Варвара дико крикнула въ темнотѣ. Когда Макаръ дрожащими руками зажегъ огонь, дверь была уже заперта.

Казалось, долгое время стояла полная тишина, только внизу съ гуломъ вертѣлось колесо. Потомъ мельникъ появился въ дверяхъ. Въ рукѣ у него была палка, за плечами котомка, кафтанъ подпоясанъ кожаными ремнемъ.

— Айда!—крикнулъ онъ на ходу, быстро побѣжалъ по лѣстницѣ и въ сѣняхъ отворилъ дверь. Сухая женщина съ длиннымъ лицомъ подошла къ Варварѣ и ласково сказала:

— Пойдемъ-ка, касатка, ко мнѣ!

Страшно ясно Варвара поняла, что всему пришелъ конецъ.

— Макарушка!—крикнула она въ смертельной тоскѣ; она чувствовала, что видитъ Макара въ послѣдній разъ.

— Полно, полно, касатка!—ласково уговаривала женщина и мягко вела ее къ себѣ. Теплилась лампадка въ просторной горницѣ предъ темнымъ кіотомъ въ углу...—Полно, полно,—уговаривала женщина и обнимала Варвару рукой.— Не бойся, не кручинься, не горюй! Дѣдушка Аввакумъ не такой человекъ, чтобы зря что-нибудь начинать. Ужъ какихъ-какихъ онъ только ни дѣлалъ дѣловъ! Великаго ума человекъ. Не плачь, не кручинься, не горюй! Завтра все будетъ хорошо. Увидишь муженька своего, порадуешься вмѣстѣ счастьемъ-удачѣ. Не плачь! А разскажи-ка мнѣ лучше пока, какое у тебя горе, отчего ты такая худая, да блѣдная, да печальная.

— Тетенька!—зарыдала Варвара, падая ей головой на колѣни.—Тетенька! Болѣзная я! Несчастная! Никого у меня на свѣтѣ нѣту! Онъ одинъ.

XVII.

Мраченъ былъ лѣсъ въ эту темную, безлунную ночь. Черной стѣной стояли деревья и угрюмо слѣдили за тремя людьми, подъ спѣшными шагами которыхъ хрустѣли сучки.

Впереди быстро двигался мельникъ. Макаръ съ Алексѣемъ едва поспѣвали за нимъ. Они смутно видѣли въ темнотѣ, какъ онъ раскачивался и ковылялъ лѣвымъ бокомъ впередъ, часто ступая лѣвой ногой. Не говорили ни слова. Дошли до еловой рамени. Когда по знакомой тропинкѣ осторожно, обходя груды хвороста и колоды, стали пробираться впередъ, что-то огромное съ трескомъ и гуломъ вырвалось сбоку изъ темноты, такъ что Макаръ съ Алексѣемъ въ ужасѣ шарахнулись назадъ.

— Сычь!—крикнулъ мельникъ, безъ остановки спѣша впередъ. Прошли еще версты полторы, поднялись на сосновую гривку, завернули вправо и обомлѣли опять: голубое зарево, колыхаясь, стлалось надъ землей, освѣщая мохнатые колоды, узловатые корневища и низы стволовъ.

— Гнилушки свѣтятся,—проговорилъ опять мельникъ и, закутившись голубымъ отблескомъ, пропалъ въ темнотѣ.

Потянуло холодомъ. Было близко озеро. Скоро вышли на полянку, гдѣ росъ молоднякъ. Мельникъ остановился.

Сбросили съ плечъ пестера, лопаты и топоры. Присѣли. Привыкшіе къ темнотѣ глаза различали то мѣсто, гдѣ хотѣли переночевать весной. Мельникъ оглядывался кругомъ и бормоталъ про себя.

— Сейчас приду.—сказалъ онъ и исчезъ, точно нырнулъ въ темноту. Макарь съ Алексѣемъ остались одни. Ихъ била мелкая дрожь.

— Чтò дѣлать-то станемъ? Копать, чтò ли?—шопотомъ спросилъ Алексѣй, но Макарь тоже не зналъ. Мельникъ не объяснилъ ничего. Велѣлъ только взять лопаты и топоры и идти. И все время держалъ себя такъ, что его нельзя было ни о чемъ спросить. Да и не надо было ничего знать. Здѣсь ночью, въ лѣсу, мельникъ разросся въ громадную фигуру, и, когда неожиданно вынырнулъ изъ темноты, сразу стало легко и хорошо.

— Айда!—коротко приказалъ мельникъ и, бормоча про себя, повелъ ихъ впередъ. — Тутъ, — сказалъ онъ, когда подошли къ тому мѣсту, гдѣ разрывали весной погребъ, и сейчасъ же скороговоркой продолжалъ: — Рыли вы тутъ. Растрожили кладъ. Ушелъ, можетъ, въ землю или совсѣмъ въ другое мѣсто. Надо ждать, когда проявится самъ. А когда проявится—неизвѣстно,—можетъ, сегодня, можетъ, завтра, можетъ, черезъ мѣсяць, а можетъ, черезъ годъ. А проявиться долженъ, потому есть въ немъ двѣ силы: добрая сила и злая. Чтò на церкву да нищимъ — это хорошо. Онъ самъ хочетъ въ мѣръ пойти. А злая сила — чтò разбойничій кладъ — на грабежѣ да на душегубствѣ. Оттого и прячется. Бояться не надо. Вотъ поставлю я васъ и встану самъ. Обведу чертой — черезъ эту черту сила злая не проскочитъ, волоса съ головы не тронетъ, только стой, не бѣги. А побѣжишь, будетъ плохо. А пужать можетъ сильно. Слушалъ я землю—ворчитъ въ землѣ, поднимается сила злая. Будетъ пужать. Но стой, не бѣги, чтò увидишь, примѣчай. И чтò бы ни увидѣлъ, голосу не давай, не кричи. Пуще всего голоса человѣческаго не любить. Становись.

Дальше все было, какъ во снѣ. Подпрыгивая и бормоча, мельникъ обвелъ своей палкой черту сперва кругомъ Макара, потомъ кругомъ Алексѣя, который неясно маячилъ въ темнотѣ, шопотомъ сказалъ Макару: — Стой. Не пужайся. Примѣчай! — и исчезъ.

Настала тишина. Зазвенѣла волной, покрыла всего, отхлынула опять, и то, чтò было сейчасъ, отошло далеко назадъ. Настала новая, другая жизнь. Стало темнѣй, черезъ мигъ посвѣтлѣло, потомъ потемнѣло опять. Разстлалась полянка, поросшая молоднякомъ, и сливалась съ темнотой. Справа и сзади надвигался стѣной лѣсъ, впереди было озеро, слѣва смутно виднѣлся Алексѣй. Сначала Макарь различалъ его, потомъ пересталъ: смѣшалъ съ деревьями.

Стоялъ и удивлялся самъ: не было въ немъ никакого страха. Чтò ни будетъ, все равно. Найдется кладъ—хорошо. Не найдется—тоже хорошо. Не будетъ пугать—хорошо. Будетъ—тоже ничего. И казалось иногда, что не онъ, Макарь, это стоитъ, а кто-то совсѣмъ другой, чужой, такъ, шутки ради, какой-то чудакъ. И что нѣтъ никакого ни мельника ни Алексѣя, а лежитъ онъ у себя дома на лавкѣ и спитъ.

Качнулась земля, поплыла изъ-подъ ногъ, ближе надвинулся лѣсъ, потемнѣло, потомъ посвѣтлѣло опять, и представилось ясно: сидятъ они съ Варварой въ избѣ, онъ за столомъ, она на лавкѣ, закутавшись платкомъ...

Вспомнилъ, что стоитъ въ замороженной чертѣ, пришелъ въ себя, началъ смотрѣть. Черезъ короткое время удивился: горитъ по травѣ тоненькой полоской кругъ, впереди, справа, слѣва. Оглянулся — и сзади горитъ. Смигнувъ глазами — все пропало. Постоялъ опять— снова горитъ. „Начинается!“—подумалъ Макарь, похолодѣлъ, и сразу стало совсѣмъ темно, со всѣхъ сторонъ надвинулся лѣсъ, и изъ лѣсу уставились, не мигая, зеленые глаза. Волосы встали дыбомъ, занѣмѣли ноги, спину и поясицу облило холодной водой. Поглядѣлъ—пропало все, а взглянулъ предъ собой и видитъ: разгорается въ землѣ зеленое пламя, плавится земля, дѣлается точно изъ стекла, и прямо передъ нимъ въ глубинѣ полный червонецъ бочонокъ. Поднимается, точно плыветъ вверхъ, доплылъ до самой травы и—пропалъ. Еще гуще налегла темнота, съ озера поднялась черная стѣна, лѣсъ выросъ до неба, закрылъ все, надвинулся сводомъ надъ головой. Качнулась и поплыла подъ ногами земля—стало слышно, что что-то есть.

Стало слышно, что по лѣсу, около озера, кто-то идетъ. Идетъ не одинъ, а много—идутъ, говорятъ, трещать хворостомъ, подходить все ближе. Вывалились слѣва, около озера, изъ чащи, и

вдругъ, треснувъ, раскатилось и посыпалось огнемъ черное небо. Ожилъ затаившійся лѣсъ, заревѣло, завыло и загрохотало кругомъ; визжа, завертѣлась нечисть вокругъ вспыхнувшей черты. Макарь кинулся—было бѣжать, но ноги стали, какъ чугунные столбы. Гремя и сверкая, покатилося на него изъ темноты: „Го-го-го-го! Га-га-га-га! Клада захотѣлъ?“ и съ жалкимъ крикомъ онъ повалился на землю внизъ лицомъ.

XVIII.

Алексѣй съ мельникомъ пришли въ себя только тогда, когда услышали ровный шумъ текущей по шлюзу воды. Помнили они только одно: тамъ, въ лѣсу, съ громомъ и огнемъ выскочило изъ озера чудище и кинулось на Макара. Они слышали его крики и безъ памяти пустились бѣжать.

Около строеній остановились. Сѣли, тяжело дыша, на землю и долго сидѣли, не рѣшаясь говорить. Вынувъ кisetъ, Алексѣй попробовалъ свернуть цыгарку, но руки тряслись такъ, что только напрасно разбросали табакъ. Слышалъ около себя дробный стукъ, долго не могъ понять, въ чемъ дѣло, потомъ, приглядѣвшись, увидѣлъ, что это стучитъ мельникова нога, ударяясь о землю каблукомъ.

— Чтò же это такое будетъ? А?—хрипло проговорилъ наконецъ Алексѣй. Мельникъ долго молчалъ, потомъ незнакомымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Стало-быть, сила тамъ больно велика. Тутъ ужъ не подѣлать ничего.

— Такъ какъ же теперь быть-то? А? — снова проговорилъ Алексѣй, и мельникъ отвѣтилъ:

— Бываетъ. И хуже бываетъ, — и сердито прибавилъ: — Озлили. Растрожили зря.

— Такъ какъ же съ Макаромъ-то? А?—высказался наконецъ Алексѣй, но мельникъ не отвѣтилъ ничего.

Алексѣй тоже замолчалъ. Если бы ему обѣщали теперь, что кладъ будетъ лежать прямо на землѣ, и что надо только пойти и его взять, онъ и тогда бы ни за что не пошелъ. Тамъ былъ несказанный ужасъ. Но его мучила мысль о Макарь, и ему стало легче, когда мельникъ проговорилъ:

— Бываетъ, что такъ человѣка въ землю и возьметъ. И слѣда ему потомъ нѣтъ. А то такъ на махонькіе кусочки разорветъ и по всѣмъ вѣтрамъ раскидаетъ.

Опять сидѣли молча. Постепенно убывалъ, какъ уходящая вода, ужасъ. Алексѣй свернулъ и закурилъ цыгарку, у мельника не стучала больше нога. Все яснѣе дѣлался вопросъ: „чтò же теперь дѣлать-то? А?“ — и мельникъ вырѣшилъ его. Сердито зашевелившись, онъ поднялся и сказалъ:

— Ну, чтò же сидѣть-то! Идемъ, чтò ли, къ избѣ.

Поднялись и пошли. На дворѣ, подъ навѣсомъ, залаяла, рванувъ цѣпью, собака. Мельникъ свистнулъ, она застучала въ темнотѣ хвостомъ. Тихонько, крадучись, обогнули строенія и подошли къ крыльцу. Со ступеней поднялась черная тѣнь, и измученный голосъ проговорилъ:

— А Макарь гдѣ?

Это была Варвара. Алексѣя такъ и отшатнуло назадъ.

— Гдѣ Макарь? — крикнула Варвара, двинувшись къ нему.

Алексѣй оглянулся. Мельника уже не было: онъ или ушелъ назадъ, или незамѣтно проскользнулъ въ темнотѣ мимо нихъ. Въ неожиданномъ ужасѣ Алексѣй пустился—было бѣжать, но Варвара догнала его и съ крикомъ вцѣпилась въ плечо:

— Гдѣ Макарь? Говори! Гдѣ?

— Варварушка, матушка! — жалко лепеталъ огромный мужикъ. — Не знаю я. Видитъ Богъ, не знаю. Остался тамъ.

— Зачѣмъ остался? Говори! Все говори!

— Вышло ужъ такъ. А чтò съ нимъ, не знаю.

— Убило?—крикнула Варвара.

— Не знаю я,—лепеталъ Алексѣй.—Ничего не знаю. Выскочило изъ озера, загремѣло и огнемъ стало жечь. Мельникъ побегъ, и я за нимъ. А Макарь остался.

— Покаралъ Богъ! — крикнула Варвара и опустила на землю.

Алексѣй растерянно стоялъ.

— Прости меня, Алексѣй Никаноровичъ, въ чемъ предъ тобой согрѣшила, — тихо заговорила Варвара, поднимаясь. — За всякое неразумное слово прости. Не помнила я себя. Изболѣло

Н. САМОКИШЪ.

Н. Самокишъ. Бой у Вязьмы 22 октября 1812 г.

у меня сердце... Прости! — Еще разъ поклонилась и спѣшно пошла.

Не сообразивъ сразу, въ чемъ дѣло, Алексѣй постоялъ, потомъ кинулся вдогонку за ней.

— Да ты, Варвара, куда?

— Надо мнѣ,—плача, отвѣчала она.—Пойду я.

— Да куда ты пойдешь-то?

— Къ Макарешкѣ пойду. Убило его сердешнаго. Можетъ, и косточекъ-то отъ него не осталось, а одна только зола сѣрая,— заливаясь слезами, причитала Варвара. — Пойду, разыщу, что осталось отъ него. Наплачусь въ остатній разъ.

— Да куда ты пойдешь-то? — держалъ ее Алексѣй. — Ты и дороги-то не знаешь. Заблудишься въ лѣсу. Утопишь въ болотѣ. Подожди до утра. Вмѣстѣ пойдѣмъ.

— Пойду я, — твердила Варвара и вырывалась изъ его рукъ. — Найду я тебя, желанный! Паду на тѣло твое изувѣченное, забьюсь, закричу источнымъ голосомъ. Пустите меня, люди добрые, не держите! Надо мнѣ туда. Пусти! — взвизгнула она. — Врагъ! Нечистая сила! Не боюсь тебя. Провались!

И прежде, чѣмъ Алексѣй успѣлъ опомниться, она вырвалась и скрылась — точно сгинула въ темнотѣ.

— Аввакумъ! — изо всей силы кричалъ Алексѣй, бѣгая вокругъ избы.—Аввакумъ!

Стояла тьма, шумѣла вода, и точно вымерло все въ проклятой мельницѣ. Никто не отвѣчалъ. У Алексѣя путалось въ головѣ.

„Ума рѣшилась Варвара-то...“ — выплыла у него мысль и нырнула въ темную муть.

Онъ присѣлъ на крыльцо. Теплый августовскій мракъ такъ плотно обступалъ кругомъ, что ничего не было видно въ двухъ шагахъ. Все сегодня случившееся, все, что онъ видѣлъ и пережили, показалось Алексѣю смутнымъ сномъ. Онъ прислонился спиной, примостился удобнѣе, и сладкій зѣвокъ до ушей растянулъ его ротъ. Алексѣй хотѣлъ что-то подумать и сразу заснулъ, точно провалился въ черную дыру.

Онъ проснулся, потому что его давно уже что-то беспокоило во снѣ. Сразу вскочилъ и въ ужасѣ раскрылъ глаза. На нижней ступенькѣ, спиной къ нему, опрокинувшись, лежалъ Макаръ и тихо стоналъ. Взошло уже солнце, но стоялъ сѣрый туманъ, и моросилъ незамѣтный дождь.

— Макаръ! — крикнулъ Алексѣй. — Господи благослови!

Макаръ медленно повернулъ къ нему лицо. Вся голова, шея и рубаха у него были залиты кровью, одинъ глазъ былъ закрытъ, другой жалобно смотрѣлъ изъ-подъ багроваго подтека.

— Макаръ! — кричалъ Алексѣй, соскочивъ съ крыльца. — Господи Батюшка! А мы, было, думали... Аввакумъ! Аввакумъ!... Да какъ ты ушелъ-то? А?

— Михайла да Гришка, Степка съ Яковомъ, да наши мужики то были... — простоналъ Макаръ. — Изъ ружей палили... Ловко обработали. Думалъ, не дойду...

Алексѣя такъ и осѣнило.

— Аввакумъ! — кричалъ онъ. — Аввакумъ! Иди сюда! Макаръ пришелъ. Слышь, что говоритъ! Наши мужики то были!

Изъ сѣней, подпрыгивая бокомъ, появился сердитый Аввакумъ.

— Испить бы... — широко раскрывая ротъ, простоналъ Макаръ. — Ой, голова... — Впадая въ безпамятство, онъ началъ бормотать безсвязныя слова.

XIX.

Варвару долго не могли разыскать. Уложивъ Макара, мельникъ съ Алексѣемъ сейчасъ же отправились за ней. Прошли по берегу Крякши, осмотрѣли весь прилегающій лѣсъ, дошли до Дикова озера, кричали и звали цѣлый день, но не нашли ничего.

На слѣдующій день пришли Михайла съ Гришкой и нѣсколько кузьминскихъ мужиковъ. Опять искали и не нашли. Сошлась наконецъ почти вся деревня Кузьмино, разошлась партіями по разнымъ сторонамъ, обшарили все лѣсные закоулки и тайники, обошли все Диково озеро кругомъ. Два дня лѣсъ безпокойно стоналъ отъ ауканья и криковъ.

Нашли Варвару только на пятый день. Воронье сильно кружилось и хлопотало надъ Казанскимъ болотомъ и все надъ однимъ мѣстомъ, гдѣ росъ густой ивнякъ. Отправились туда, перешли по кочкамъ черезъ окна и зыбуны, добрались до ивняка и нашли.

Покрытая тиной и иломъ, Варвара, скорчившись, сидѣла въ водѣ, въ неглубокомъ бочажкѣ, уцѣпившись руками за корневище и увязнувъ ногами въ топкомъ днѣ. Кругомъ каркали и не хотѣли улетать вороны, успѣвшія уже расклевать у мертвой пальцы и глаза.

Макаръ этого не зналъ. Связанный по рукамъ и ногамъ, онъ четыре недѣли рвался и бушевалъ на постели въ мельничной пристройкѣ. Выздоровѣвъ мѣсяца черезъ два, онъ вернулся къ себѣ въ Кузьмино. Цѣлую зиму молчаливо ковалъ въ своей кузницѣ и въ свободное время уходилъ къ мельнику за рѣку. А весной, когда вскрылись рѣки, онъ сходилъ на могилу Варвары, попросился съ Еленой и Алексѣемъ, надѣлъ на плечи котомку, дошелъ до города, сѣлъ тамъ на пароходъ и уѣхалъ неизвѣстно куда.

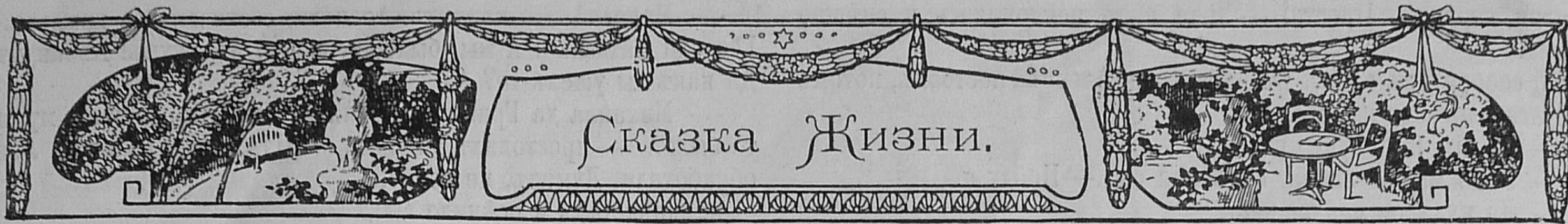
К О Н Е Ц Ъ .

Л и з а .

На Арно каменная риза
Надѣта вновь. Рѣка течетъ
Дугой, и призрачная Пиза
Лежитъ, вѣковъ забывши ходъ.
Пускай подъ лоджіей толпятся
Взволнованно биржевики:
Дремучимъ, давнимъ сномъ томятся
Сѣдые берега рѣки.
Тамъ подъ стѣной, въ концѣ аллеи,
Уютный домикъ тихо спитъ.
Въ немъ Галилео Галилеи
Родился—мраморъ такъ гласитъ.
Тамъ въ церкви небольшой знамена,
Въ бояхъ изорванныя, спятъ
И о свободѣ немудреной
Усмѣшку мудрую хранятъ.
Съ загадочной стоитъ улыбкой
Статуя на колоннѣ тамъ,
Какъ-будто милою ошибкой
Все было, данное вѣкамъ.

Тамъ поросла травкою площадь,
Гдѣ мраморныя чудеса
Глядятъ довѣрчивѣй и проше,
Чѣмъ сами божьи небеса.
Тамъ молчаливый баптистерій,
Девятый начиная вѣкъ,
Все тѣмъ же эхомъ голосъ мѣритъ,
Когда поетъ въ немъ человекъ.
И простодушно повѣствуютъ
Тому, кто сбоку въ храмъ войдетъ,
Исторію любви живую
Двѣ створки бронзовыхъ воротъ.
Тамъ колокольня наклонилась,
Чтобъ поглядѣть за край земли,
Какъ-будто ей планета снилась,
Гдѣ виснуть тяжести могли.
Но видны только Апуаны,
Поляны, взморье, виноградъ,
Лѣниво дремлющей Тосканы
Все тотъ же безмятежный садъ.

Сергѣй Городецкій.

(Маленькая история человеческих страданий).

Очеркъ Н. Лендера (Путника).

(Окончаніе).

VI.

Трагедія нашей жизни разрослась. Съ дачи мы переѣхали осенью въ городъ. У насъ не было никакихъ опредѣленныхъ плановъ на будущее. Сама судьба шла намъ навстрѣчу. Мы сняли квартиру безъ контракта въ маленькомъ барскомъ особнякѣ, который будущей весной перестраивался въ многоэтажный домъ. Какъ знать, сколько мы проживемъ здѣсь: годъ, мѣсяць, недѣлю? Каждый слѣдующій день общалъ ужасы...

Этой зимой суждено было произойти событію въ нашей семьѣ: наша 18-лѣтняя дочь, всего годъ назадъ окончившая гимназію, выходила замужъ. Ей сдѣлалъ предложеніе штабсъ-капитанъ полка, стоящаго въ Финляндіи.

— Не рано ли?—говорилъ я дочери:—вѣдь тебѣ едва 18 лѣтъ, онъ много старше тебя.

— Нѣтъ,—отвѣчала она:—я согласна выйти замужъ за него, иначе я не могу представить себѣ свою жизнь: наша бѣдная мама больна, ты вѣчно занятъ, я остаюсь одинокой. Нужно устроить собственную жизнь, когда есть возможность.

Сколько было хлопотъ передъ свадьбой дочери! Ей дѣлали приданое, устраивали ея будущую квартиру въ маленькомъ живописномъ городкѣ Финляндіи, въ домѣ непрерывно появлялись портнихи и бѣлошвейки, дѣлались всякія покупки, и, слава Богу, въ это время здоровье нашей бѣдной больной было довольно удовлетворительно. Она все время была на ногахъ, всѣмъ распоряжалась; правда, и уставала же... Я видѣлъ всю ея энергію, ея искусную распорядительность, подчасъ ея выносливость и неутомимость, и мнѣ представлялось минутами, что силы къ ней возвращаются, что доктора ошиблись, что катастрофа отменяется или отдалается. И, Боже мой, какъ я былъ счастливъ въ минуты этихъ надеждъ, когда удваивалась и моя энергія и пробуждался свѣтлый взглядъ на жизнь. Но я боялся повѣрить этому счастью, и малѣйшее проявленіе у жены роковой болѣзни опять ввергало меня въ отчаяніе.

А такія проявленія повторялись уже періодически. Въ домѣ появились уже подушки съ кислородомъ.

Я помню ужасный день. Во время моихъ занятій въ конторѣ дочь говоритъ мнѣ по телефону:

— Папа, какой у насъ странный случай: въ столовой среди общей тишины что-то упало и разбилось. Мама лежала у себя въ комнатѣ, я была занята своими хлопотами. Выбѣгаю: рухнуло зеркало. Въ столовой никого въ это время не было.

У меня упало сердце. Я вѣрился въ подобныя предзнаменованія и зналъ по тяжелымъ примѣрамъ, что это значитъ.

„Бѣда идетъ на насъ!“—думалъ я, вспоминая такое же разбившееся зеркало передъ смертью одной нашей родственницы.

Когда я пріѣхалъ домой, зеркало было поставлено на свое мѣсто, и если бъ не отсутствіе мелкихъ кусковъ, можно было бы подумать, что ничего и не случилось.

VII.

Помню день свадьбы нашей дочери. Наша квартира въ это время сильно опустѣла. Все лучшее изъ мебели было отправлено на финляндское новоселье молодой четы: исчезли пианино, портьеры, картины, у насъ оставалась только самая необходимая незатѣйливая обстановка.

Масса неизбѣжной суеты было въ этотъ день. Шафера, подруги невѣсты, нѣсколько человѣкъ гостей—всѣ сначала заѣхали къ намъ, а потомъ отправились въ церковь. Бѣдная жена! Я не забуду тебя въ этотъ день. Блѣдная, худенькая, съ твоими прекрасными глазами, какъ ты была еще красива въ своемъ парадномъ бѣломъ туалетѣ! Въ церкви при яркомъ свадебномъ освѣщеніи бѣдная больная была лучше всѣхъ.

И какъ грустно было думать, что эта красавица на краю могилы. Послѣ шумныхъ поздравленій и шампанскаго молодые уѣхали къ себѣ въ Финляндію. Я провожалъ ихъ, провожали ихъ шафера, родственники. Когда послѣ этихъ проводовъ я вернулся домой, у насъ въ домѣ стало тихо и пусто. Измученная, утомленная жена, блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ, лежала въ своей комнатѣ въ полудремотѣ. Свѣтъ отъ лампы на ночномъ столѣ чуть освѣщаль ея.

— Бѣдная, какъ ты измучилась,—сказалъ я, цѣлуя ея худенькую прозрачную руку.

— Да,—тихо отвѣтила она, и я замѣтилъ блестящія слезы на ея глазахъ...—Жизнь прожита,—прибавила она:—можетъ-быть, все устроилось и къ лучшему. Я чувствую, какъ силы угасаютъ, немного осталось...

— Полно, полно,—говорилъ я, а у самого рыданія стояли въ горлѣ:—теперь тебѣ можно будетъ заняться исключительно своимъ

здоровьемъ. Надо успокоиться, поддержать себя, лѣчиться, лѣчиться.

— Если бы такъ,—отвѣтила она.—Вотъ мой докторъ совѣтуетъ мнѣ лечь въ клинику... дома такого ухода не можетъ быть. Лягу на мѣсяць, другой, а тамъ что Богъ дастъ.

Черезъ недѣлю это желаніе жены было исполнено. Въ первые дни своего пребыванія въ клиникѣ она почувствовала себя лучше, но болѣзнь прогрессировала: появилась опухоль ногъ, по нѣсколькимъ дней больная почти не вставала.

Наша окончательно опустѣвшая квартира наводила на меня ужасъ, она скоро была ликвидирована, вещи поставлены въ складъ, а я поселился въ меблированной комнатѣ, ежедневно навѣщая мою бѣдную больную.

Жена пролежала въ клиникѣ съ мѣсяць. Улучшенія, конечно, не было. Стояла снѣжная, временами суровая зима.

— Знаешь,—говорила мнѣ жена:—мое пребываніе здѣсь совершенно бесполезно. Доктора ничего мнѣ помочь не могутъ. Не лучше ли было бы мнѣ уѣхать отсюда въ теплый климатъ, въ Крымъ? Тамъ воздухъ меня поддержитъ.

— Но какъ же ты поѣдешь? Такая дальняя дорога! Это невозможно.

Я предвидѣлъ страшную развязку: бѣдная страдалница умираетъ среди чужихъ, въ чужомъ городѣ, и старался отсѣтовать ей такой шагъ.

Жена продолжала:

— Профессоръ и доктора одинаковаго со мной мнѣнія... поѣздка не повредитъ. Слѣдуетъ уѣхать.

Я недоумѣвалъ: какъ рѣшаются они отправлять въ такой далекой путь тяжело и безнадежно больную?

Но меня осѣнила мысль: можетъ-быть, они еще видятъ выходъ, спасеніе...

Тайно отъ больной я спрашиваю врачей:

— Неужели это мыслимо, неужели вы разрѣшили эту поѣздку?

— Тяжело противорѣчить больной,—отвѣтилъ мнѣ профессор:—у нея такая вѣра въ Крымъ, гдѣ излѣчились вы на ея рукахъ. Зачѣмъ лишать ея послѣдней надежды?

Предо мной была трудная задача: уѣхать съ больной мнѣ самому невозможно—и по дѣламъ и по моему нравственному состоянію: своими слезами, своимъ отчаяніемъ я могу сообщить ей панику... Какъ же быть?

Мы рѣшили отправить съ нею испытанную и преданную женщину, нашу долготѣтную прислугу Елену. Послѣдняя согласилась проводить барыню въ Ялту и все время быть съ нею.

Помню эту послѣднюю минуту отъѣзда жены. Что было пережито и перечувствовано! Я незамѣтно для больной благословилъ ее и положился на волю Божию...

Поѣздъ плавно ускорилъ ходъ, отходя отъ вокзала.

VI

Передъ отъѣздомъ я далъ Еленѣ всѣ инструкціи и тревожно ждалъ телеграммъ съ дороги, но получилъ только открытку жены, писанную карандашомъ. Дорога была тяжелая для нея, отдѣленіе спальнаго вагона было слишкомъ тѣсно, миниатюрно.

Но это еще не главное. Путь въ Ялту изъ опасной морской болѣзни былъ совершенъ больной на автомобилѣ, встряхивавшемъ обѣихъ женщинъ на поворотахъ, на каждомъ сугробѣ. Этотъ переѣздъ причинялъ женѣ много страданій.

Елена рассказывала потомъ:

— Какъ только встряхнетъ насъ—такъ бѣдная барыня совѣмъ почернѣетъ.

Пріѣхали въ Ялту. Измученной больной нужно скорѣе устроиться, лечь въ постель, но куда не пускаютъ: вездѣ бояться трудно больныхъ, двери курорта открыты только для веселящейся публики.

Бѣда. Тутъ жена вспоминаетъ одинъ пансіонъ, гдѣ она жила въ прежніе годы еще здоровой, и направляется туда. Тамъ по знакомству пустили.

Пришли письма изъ Ялты, немного успокоившія меня. Я, въ свою очередь, вспомнилъ старыхъ знакомыхъ, живущихъ въ Ялтѣ, и написалъ имъ. Отвѣтъ былъ милый, ласковый. Жена моего знакомаго, Марія Федоровна, обѣщала позаботиться о моей больной, принять въ ней участіе.

Какъ я былъ благодаренъ ей за это! А самому мнѣ невозможно было вырваться изъ Петербурга.

Прошло нѣсколько дней, и Марія Федоровна мнѣ писала:

„Вы собираетесь пріѣхать, и я считаю долгомъ предупредить васъ о неминуемой опасности ближайшихъ дней“.

Сердце не справляется съ разсудкомъ. Дѣла брошены на руки помощниковъ, отданы распоряженія на ближайшіе дни, и я мчусь

въ севастопольскомъ экспрессѣ на далекій югъ. Насъ въ купѣ двое: со мной ѣдетъ худой и нервный директоръ гимназій на югъ, только-что истерзанный министерствомъ въ Петербургѣ.

— Они ничего намъ не сообщаютъ, не говорятъ, какія правила, какія требованія, а потомъ недовольство, запросы, вынужденныя поѣздки въ Петербургъ... Какое мученіе быть руководителемъ учебнаго заведенія, когда судьба его находится въ чужихъ рукахъ! А вы по какому дѣлу ѣдете?—освѣдомился директоръ.

Я рассказалъ ему.

Онъ нѣсколько минутъ молчалъ, потомъ замѣтилъ:

— Да, что наши хлопоты и дѣла въ сравненіи съ вашимъ горемъ... Не падайте духомъ. Не забывайте, что васъ ждутъ, какъ вѣстника утѣшенія... Желаю вамъ душевной бодрости!

По всей дорогѣ у меня расписаны станціи, гдѣ я долженъ ждать телеграммъ. Застану ли я въ живыхъ мою бѣдную страдальцу, или только успѣю къ похоронамъ? Вопросъ этотъ бросаю меня то въ жаръ, то въ холодъ... Мнѣ рисовался уже бѣлый гробъ среди свѣчей и цвѣтовъ... послѣднія панихиды, которыя я застану.

Приближался вечеръ второго дня моей дороги. Въ восьмомъ часу должна быть станція, гдѣ я жду новыхъ извѣстій. Съ замираніемъ сердца требую телеграмму и, получивъ, не рѣшаюсь ее вскрыть.

Но надо... вскрываю и читаю:

„Большая радуется вашему пріѣзду. Положеніе ея, какъ кажется, лучше“.

Боже мой! Опять блеснулъ лучъ надежды. Но впереди цѣлая ночь, утро...

Наконецъ временныя обманчивыя улучшенія бываютъ и передъ смертью.

Послѣдняя ночь въ вагонѣ. На утро залитый солнцемъ, но еще очень прохладный въ мартѣ Севастополь. Выхожу изъ вагона; около вокзала стоитъ пара автомобилей, ожидающихъ пассажировъ въ Ялту.

— Когда вы можете пріѣхать въ Ялту? — спрашиваю кондуктора большого автомобиля.

— Часа въ два пополудни должны пріѣхать, — отвѣчаетъ онъ.

— Запишите мѣсто за мной и получите деньги.

Холодное утро... Рѣзкій сѣверный вѣтеръ несетъ намъ навстрѣчу, пока мы поднимаемся по шоссе на высоту горъ. Неимоверная пыль валитъ въ окна автомобиля. А закрыть окно — душно, насъ сидитъ здѣсь двѣнадцать человекъ.

„Шесть часовъ пути, — раздумываю я. — Успѣю ли, увижу ли я ее въ послѣдній разъ, уловлю ли ея послѣдній вздохъ?..“

Сердце стучитъ, мысли мои неудержимо летятъ впередъ.

Автомобиль стучитъ по шоссе и звонко играетъ сигналы, похожіе на пастушью свирѣль, чтобы избѣжать опасныхъ встрѣчъ

Улица въ городѣ Беране, взятомъ черногорскими войсками.

на извилистой дорогѣ. Мы несемся по косогорамъ, поднимая облака сѣрой пыли, мы обгоняемъ подводы, пугая лошадей и пасущихся овецъ. Мы карабкаемся на вершины горъ по крутымъ и узкимъ дорожкамъ, гдѣ опасна каждая нечаянная встрѣча, мы пролетаемъ надъ пропастями. Картины мѣняются, часы бѣгутъ... Вотъ получасовая остановка на почтовой станціи Байдары, гдѣ мы пьемъ чай и наскоро утоляемъ голодь чѣмъ Богъ послалъ.

Полчаса проходитъ. Раздается знакомый сигналъ, и запыленный, почти бѣлый, нашъ автомобиль вновь летитъ, на этотъ разъ по зеленымъ красивымъ спускамъ, ведущимъ къ морю среди сплошныхъ кипарисовъ и пышныхъ цвѣтовъ. Съ высоты смотритъ на насъ изящная церковь Фароса, а впереди открывается роскошный видъ тихаго синяго моря.

Здравствуй, знакомое море! Я умиралъ когда-то здѣсь на твоихъ берегахъ, я видѣлъ тебя потомъ, избалованный счастьемъ и самоувѣренный, и вотъ теперь въ страшную минуту жизни судьба вновь привела меня на твои берега.

Пастушья свирѣль автомобиля звучитъ для меня похороннымъ гимномъ, красоты южнаго берега рисуютъ мнѣ обстановку зеленого кладбища. А мы все несемся впередъ по крутымъ изгибамъ, по спускамъ, купаясь въ вѣчной зелени крымскихъ кипарисовъ.

Пролетѣли Дюльберъ, Ай-Тодоръ... Скоро Ялта.

IX.

Съ замираніемъ сердца я вхожу на крыльцо ялтинской дачи. Сейчасъ все рѣшится.

Мнѣ отпираютъ дверь.

— Какъ здоровье больной? — спрашиваю я.

— Такъ себѣ, — отвѣчаетъ мнѣ человекъ: — онъ уже нѣсколько дней не встаетъ.

Я вхожу... И прямо на меня смотрятъ эти милые, знакомые глаза. Но какъ она измѣнилась, эта молодая страдальца: желтое, высохшее лицо, ранняя сѣдина въ волосахъ, недавно еще роскошныхъ, и желтыя, высохшія ручки.

— Я знала о твоёмъ пріѣздѣ, — говоритъ мнѣ жена. — Я стала теперь какой-то ясно-видящей. Вчера входитъ ко мнѣ хозяйка и хочетъ что-то сообщить мнѣ, а я говорю ей: я знаю, какое извѣстіе вы мнѣ принесли: мой мужъ пріѣдетъ.

Я сажусь около ея постели, цѣлую ея высохшія ручки, а она говоритъ мнѣ:

— Плохо мнѣ, Коля... Высохла я совсѣмъ, силъ нѣтъ, сна тоже нѣтъ, по ночамъ все бо-

Городъ Скутари въ сѣверной Албаніи, цѣль военныхъ операций черногорской арміи.

Къ событіямъ на Балканахъ.

литель... Да, если ужъ такъ, то умереть надо. Я боялась умереть тамъ, въ Петербургѣ.

— Къ чему такія мысли? — замѣчаю я. — Вотъ теперь я побуду около тебя, обо всемъ позабочусь, посоветуюсь со здѣшними докторами.

— Совѣмъ плохо барыня, — сообщаетъ мнѣ прислуга Елена, войдя секретно въ мою комнату. — Доктора говорятъ, скоро конецъ. Барыня уже нѣсколько дней лежатъ безъ движенія, на бокахъ пролежни, и поворачивать ихъ очень тяжело.

Съ моимъ прїездомъ кое-что въ обстановкѣ больной перемѣнилось: я уговорилъ жену взять, кромѣ прислуги, двухъ сестеръ милосердія, которыя чередовались черезъ день. Онѣ давали больной лѣкарства, едва поддерживавшія угасающую жизнь. По ночамъ больная тяжело стонала.

— Болѣзнь подходитъ къ сердцу, — сказалъ мнѣ докторъ. — Нельзя поручиться ни за минуту. Сердце уже такъ ослабѣло, что вотъ-вотъ остановится.

На слѣдующій день больная чувствовала себя бодрѣе: долго бесѣдовала со мною, собиралась дать мнѣ какое-то порученіе въ Петербургъ, совѣтовала поселиться въ Крыму и пріобрѣсти клочокъ земли.

— Тяжелый это признакъ, — замѣтила мнѣ потомъ сестра милосердія: — умирающіе всегда говорятъ о землѣ.

Это былъ послѣдній свѣтлый день въ жизни моей бѣдной страдальцы.

А кругомъ за стѣнами этихъ страданій и даже по сосѣдству развертывалась беззаботная жизнь курортныхъ гостей, съѣхавшихся сюда для прогулокъ, для развлеченій и ничегонедѣланія. Пили, ѣли, гуляли и наживали лишніе фунты здоровья...

X.

Прошелъ еще день.

Я выпелъ въ садъ, но меня скоро позвали.

— Теперь не уходите, — говоритъ мнѣ сестра милосердія.

— Очень плохо? — спрашиваю я.

— Да, больная задыхается.

Она лежала въ полузабытѣ. Еще часъ назадъ она говорила съ нами. Теперь она не открывала глазъ, стонала и тяжело дышала. Временами ея дыханіе останавливалось. Мое сердце обливалось кровью, когда я смотрѣлъ на это восковое лицо и обостренными страданіями черты. Боже, думалъ я, вотъ та страшная минута, о которой я съ такимъ ужасомъ думалъ полтора года. И въ какой непривычной обстановкѣ застаешь насъ смерть: чужой городъ, чужіе люди, чужой домъ. Солнце клонилось къ закату и бросало намъ послѣдніе замирающіе лучи.

Сестра милосердія приблизилась къ больной, склонилась надъ ея головой и прислушалась къ дыханію.

— Боже мой... — простонала больная. — Спасите... Господи... ангелы...

Прошли двѣ-три жуткія секунды. Больная стихла. Смерть покрыла ее своимъ крыломъ.

— Зажгите свѣчу, — говоритъ мнѣ сестра милосердія.

У меня не хватаетъ силъ. Сестра милосердія зажгла свѣчку.

— Бѣдная страдальца скончалась! — говоритъ мнѣ сестра.

Я стоялъ на колѣняхъ у ногъ покойницы. Я не понималъ, что произошло, не сознавалъ ужаса этой минуты. Что-то придавило меня, отняло у меня языкъ и сознаніе, и я чувствовалъ только, какъ обильныя слезы текли по моимъ щекамъ. Плакала сестра, плакала Елена.

— Прощай... прости!

Послѣдній солнечный лучъ погасъ на горизонтѣ, и все окуталось вечернимъ мракомъ. Быстро темнѣло.

Закрылось все то свѣтлое и прекрасное, что было въ моей жизни.

XI.

Въ жизнерадостной Ялтѣ среди жаждущихъ исцѣленія смерти бояться. Подъ большимъ секретомъ дѣлались нами приготовленія къ выносу покойницы въ церковь; по просьбѣ хозяйки, это пришлось сдѣлать въ часъ ночи.

Я не забуду этой страшной ночи.

Весь домъ спалъ, и была тишина, когда на парадномъ крыльцѣ раздавался вмѣсто звонка условленный секретный стукъ въ дверь. Это пришли женщины изъ похороннаго бюро обмыть покойницу. Черезъ часъ принесли гробъ, и я самъ, находясь во власти охватившаго меня ужаса, въ какомъ-то гипнозѣ выбиралъ похоронное платье для дорогой покойницы.

Въ часъ ночи все было приготовлено. На дворѣ накрапывалъ дождь. У подъѣзда въ темнотѣ стояли люди и ждалъ насъ экипажъ. Люди понесли на рукахъ гробъ. Сестра милосердія, я и Елена сѣли въ экипажъ и провожали дорогой прахъ до усыпальницы новаго ялтинскаго собора.

Ялта была погружена въ темноту. Вдали чернѣли горы. Направо покоилось тихое и сонное море. Въ полумракѣ, среди тусклыхъ фонарей, направлялась наша печальная процессія къ изящному храму, въ поземельѣ котораго ставятся гробы съ усопшими до дня погребенія.

Что чувствовалъ, о чемъ передумалъ я въ эти минуты! Боже избави насъ отъ такихъ думъ и чувствъ. Но ужасъ былъ еще впереди, когда я вернулся домой, въ опустѣвшее жилище. Отчаяніе охватило меня, и все во мнѣ стонало. Я думалъ, вотъ-вотъ я услышу ея стонъ, который слышалъ въ предыдущія ночи... Но

нѣмая жуткая тишина стояла кругомъ... странная тишина, отъ которой мутится умъ и разрывается сердце.

Въ этомъ окнѣ сегодня зашло солнце, когда угасала дорогая мнѣ жизнь... Завтра взойдетъ оно, но для кого, для чего, когда весь мїръ умеръ для меня, и когда жить дальше нѣтъ ни жажды ни охоты!

Это была первая необычайная ночь... Я не слышу за стѣной ея страдальческихъ стоновъ, но душа ея витаетъ здѣсь... Тихо... страшно. Боже, дай силъ!

Въ седьмомъ часу разсвѣло... сѣрое небо, пасмурное, но тихое море. Это первый день какой-то новой, лишней, никому не нужной моей жизни.

Панихида въ нижнемъ храмѣ ялтинскаго собора. Въ числѣ пришедшихъ въ церковь давнишнія забытыя лица знакомыхъ, постарѣвшія, измѣнившіяся. Гробъ покрытъ вѣнками, и въ гробу ея прекрасное лицо, красоту котораго не въ состояніи измѣнить даже страдальческая смерть.

Мнѣ не вѣрится, что она умерла... Я помню, она какъ-то говорила, что боится быть похороненной въ состояніи летаргіи.

— Сестра, — обращаюсь я къ сестрѣ милосердія: — посмотрите на лицо покойницы. Неужели она умерла?

— Да, умерла... Вѣдь мы слишкомъ хорошо знаемъ смерть... Сколько тяжело больныхъ закрываютъ глаза на нашихъ рукахъ.

Ужасныя минуты. Далѣе стелется туманъ жуткихъ и жгучихъ воспоминаній. День похоронъ. Послѣдняя служба въ соборѣ. Я боюсь взглянуть на это милое лицо и плачу, какъ ребенокъ.

Священникъ читаетъ молитву. Пѣвчіе поютъ: „Со святыми упокой...“

— Прости, прощай! — цѣлую я ее въ похолодѣвшій лобикъ и выбѣгаю изъ собора на воздухъ, чтобы сократить страшную минуту разставанья.

Маленькое уютное кладбище на горахъ надъ Ялтой. Старая церковь при вѣздѣ, ряды старыхъ монументовъ. Дорога идетъ вверхъ, и тутъ, въ одной изъ боковыхъ аллей подъ сѣнью вѣчно-зеленыхъ кипарисовъ — вѣчный прїютъ той, которая была нашимъ ангеломъ-хранителемъ во всю ея недолгую страдальческую жизнь.

XII.

Прошло полгода, въ теченіе которыхъ не было дня, когда моя мысль не летѣла бы туда, къ маленькому кладбищу надъ Ялтой, скрывшему такъ быстро все дорогое, свѣтлое и прекрасное въ жизни.

И вотъ я опять въ Ялтѣ. Тогда была ранняя весна, теперь осень съ непогодами на Черномъ морѣ, съ жестокими холодными вѣтрами.

Какимъ мучительнымъ былъ нашъ переходъ отъ Феодосіи до Ялты. Сильный свирѣпый вѣтеръ, громадные волны, клокотавшія надъ моей головой за иллюминаторомъ каюты. Пароходъ бросало, волны яростно лизали его корпусъ. Ночью что-то падало и разбивалось въ коридорахъ. Адскій ревъ бури провожалъ насъ до разсвѣта, когда въ пятомъ часу утра пароходъ приблизился къ берегамъ Ялты.

Съ большимъ усиліемъ я поднялся по раскачивавшейся подомной лѣстницѣ на палубу и, держась обѣими руками за желѣзные стойки, разсматривалъ страшную картину разъяренного сѣраго моря, покрытаго пѣнистыми бурунами. Это былъ періодъ жестокихъ равноденственныхъ бурь на Черномъ морѣ.

Пароходъ обогнулъ мысъ св. Іоанна и, раскланиваясь съ волнами, подходилъ къ закрытой ялтинской гавани.

Вотъ мы и у мѣста. Я беру экипажъ и ѣду знакомой дорогой къ кладбищу. Холодный вѣтеръ преслѣдуетъ меня пронзительными порывами.

Экипажъ поднимается въ гору мимо красивыхъ дачъ и маленькихъ татарскихъ домиковъ. Вотъ ворота кладбища.

И вотъ ея могила, надъ которой высится уже мраморный монументъ, поставленный въ мое отсутствіе священникомъ церкви по моей просьбѣ. Я склоняюсь надъ этимъ дорогимъ сѣрымъ холмикомъ. Какъ странно: въ городѣ бушуетъ буря, а здѣсь тихо — чуть-чуть покачиваются верхи кипарисовъ. Съ высоты сияетъ солнце. Такъ было и тогда весной, когда мы опускали сюда дорогой прахъ. Тишина вѣчная, величественная, благоухающая цвѣтами и напоенная ароматомъ смолистыхъ растений...

Солнце медленно обходитъ эти тихія могилы, къ которымъ не долетаетъ ни шумъ жизни ни стонъ разъяренныхъ стихій. Сюда не доносится ни одинъ звукъ изъ шумнаго города, гдѣ борются людскія страсти. Здѣсь шопотъ молитвы, свѣтлое дыханіе неба и отсутствіе земного зла, которое кипитъ тамъ, въ безпорядочной свалкѣ жизни.

— Это кладбище скоро закроется, — говоритъ мнѣ священникъ: — мѣсть осталось немного... пять-шесть. Теперь хоронятъ больше на другомъ, новомъ кладбищѣ.

— Но можно пріобрѣсти еще тутъ мѣсто? — спрашиваю я.

— Вы хотите для себя?

— Можетъ-быть. Я хотѣлъ бы быть сторожемъ этой дорогой мнѣ могилы...

Этотъ тихій уголокъ я уберу цвѣтами. Пусть солнце нѣжитъ ихъ, пусть брильянты небесъ сияютъ надъ этимъ прїютомъ загробной жизни. Пусть шепчутся кипарисы, слагая саги объ отшедшихъ отъ насъ, и пусть небесный свѣтъ свѣтитъ тѣмъ, кто проситъ: да прїидетъ Царствіе Твое.

Да, оно придетъ, ибо жажда и ожиданіе его крѣпко заложены въ нашихъ сердцахъ.

Мурмыло.

Разсказъ Николая Архипова.

Перепечатка воспрещается.

Привезли его откуда-то очень издалека. Былъ онъ тогда совсемъ еще молодымъ, ничего не понимающимъ кабанчикомъ.

Слабо помнитъ низкое помѣщеніе съ небольшими круглыми окошками, выходящими прямо въ безконечную, свѣтло-зеленоватую воду. Долго онъ ѣхалъ въ обществѣ такихъ же молодыхъ короткорылыхъ кабанчиковъ.

Наверху гдѣ-то рычалъ свирѣпый гудокъ. Иногда помѣщеніе почему-то начинало качаться, и это было очень неприятно, — настолько неприятно, что съ нѣкоторыми кабанчиками дѣлалось даже нехорошо.

Послѣ ѣхали въ менѣе обширномъ помѣщеніи съ рѣшетчатой дверью. Очень безпокойно ѣхали, съ шумомъ, громыханьемъ, шипеньемъ.

Наконецъ путешествіе было окончено на деревянномъ возу въ обществѣ хмураго человѣка съ большими, внизъ висящими усами и никогда не вынимаемой трубкой во рту.

И съ тѣхъ поръ началась вполнѣ сознательная жизнь Мурмылы — большого-большого породистаго кабана съ короткимъ рыломъ, большими, какъ у слоненка, ушами и необъятной ширины пяточкомъ, всегда подвижнымъ, смотрящимъ вверхъ.

Мурмыло не какой-нибудь убойный кабанъ, нѣтъ, онъ — производитель, и жизнь его полна самыхъ пріятныхъ и неожиданныхъ встрѣчъ. Впрочемъ, по скромности своей Мурмыло не любитъ думать объ этомъ.

Изъ всѣхъ временъ года Мурмыло болѣе всего не любитъ зимы. Что можетъ быть скучнѣе зимы? Весь дворъ покрытъ толстымъ-претолстымъ слоемъ снѣга, иногда по высотѣ превосходящимъ даже большой ростъ Мурмылы.

Что можно предпринять въ такое время? Совершенно ничего: ни ходить по двору, ни искать подножной пицци, ни даже лежать на солнышкѣ. Приходится безвыходно торчать въ тѣсномъ, темномъ хлѣву и ждать, когда бабуся принесетъ мѣшанину. Нудное это времечко!

Большее всего Мурмыло, разумѣется, любитъ лѣто, и на это имѣются очень вѣскія причины. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ къ нему въ большой домъ пріѣзжаютъ дачники.

Занятный это народъ дачники. Совсѣмъ не то, что дѣдъ Стецько, или бабуся, или Химка...

Прежде всего съ пріѣздомъ ихъ сразу улучшается кормъ. Всегда въ корытѣ можно найти какой-нибудь удивительно вкусный, неизвѣстно изъ чего приготовленный кусокъ. Ясно, что это со стола дачниковъ!

Вотъ почему еще съ весны Мурмыло начинаетъ волноваться различными серьезными вопросами: большая ли пріѣдетъ семья, много ли будутъ ѣсть, много ли перепадетъ на его долю?

Мурмыло любитъ большія семьи съ ребятишками. Во-первыхъ,

въ большой семьѣ всегда много бываетъ всякихъ остатковъ, а, во-вторыхъ, дѣти иногда не прочь покормить Мурмылу изъ рукъ. При отсутствіи же у нихъ этого желанія, изрѣдка удается переправить въ пасть вкусный кусокъ, дотолѣ лежавшій въ рукѣ какого-нибудь зазѣвавшегося человѣка... Впрочемъ, за это иногда влетаетъ...

Въ этомъ году раннимъ лѣтомъ на дачу пріѣхали двѣ барышни.

Только двѣ барышни и ни одного ребеночка съ ними.

Мурмыло сразу же огорчился. Какой ужъ будетъ прокъ съ двухъ барышень! Насколько онъ замѣтилъ, барышни вообще мало ѣдятъ, мало припасаютъ провизіи, и, слѣдовательно, мало бываетъ остатковъ.

Ясно стало Мурмылѣ, что это лѣто пропадетъ совсѣмъ зря.

Опасенія его начали оправдываться съ первыхъ дней. Кромѣ обычной мѣшанины, въ корытѣ почти ничего иного не попадалось. Развѣ только десятокъ вишневыхъ косточекъ да нѣсколько бумажекъ изъ-подъ карамели. Совсѣмъ не большая это радость!

И скучно стало Мурмылѣ. Цѣлыми днями ходитъ онъ по широкому двору и мрачно щиплетъ траву. А при взглядѣ на большой домъ, гдѣ водворились дачницы, недовольно поблескиваетъ глазами и издаетъ по адресу ихъ малоприятливое урчанье:

— Тоже, — дачницы! Ни одного ребеночка!..

На что ужъ дрянная свинка по имени Мадамъ, живущая съ нимъ на одномъ дворѣ, а и у той есть шесть поросенокъ...

Какія ужъ это дачницы безъ ребятишекъ!.. Одна тоска...

...И явился онъ совсѣмъ неожиданно...

Какъ-то послѣ жаркаго дня лежалъ Мурмыло на пригоркѣ, щурился на заходящее солнце, урчалъ въ сладостной лѣни и, между прочимъ, наблюдалъ странную исторію: ему видно отсюда въ окно большого дома, какъ одна изъ дачницъ стоитъ передъ зеркаломъ и третъ бумажкой носъ. Третъ долго, старательно.

Любопытно бы знать — для чего это она дѣлаетъ? Вообще пустяковый народъ эти дачницы: вмѣсто того, чтобы серьезно заняться ѣдой, выдумываютъ всякія глупости.

Недовольно поспѣлъ Мурмыло и отвернулся отъ окошка. Въ это время въ калитку вошелъ онъ, незнакомый человѣкъ, высокій, съ большой суковатой палкой, и направился прямо къ большому дому.

Мурмыло поднялъ немного рыло, съ любопытствомъ осматривая гостя. До сихъ поръ къ дачницамъ никто не приходилъ.

Незнакомецъ, замѣтивъ на себѣ взглядъ Мурмылы, остановился и тоже съ удивленіемъ смотрѣлъ на гигантскаго кабана, важно возлежащаго на пригоркѣ.

Къ событіямъ на Балканахъ. Турецкій военный автомобиль съ пушкой Максима.

Смотрѣлъ, а въ глазахъ этакое восхищеніе.

Смотритъ на него и Мурмыло.

Посмотрѣли на много и, казалось, поняли другъ друга. А въ сердцахъ Мурмылы зажглись какія-то неясныя, но радостныя предчувствія.

Предчувствія Мурмылы не обманули...

Высокій человѣкъ съ толстой палкой приходитъ ежедневно дважды—къ обѣду и къ ужину.

И съ появленіемъ этого незнакомца сразу почувствовалась перемѣна въ пицѣ.

Человѣкомъ онъ оказался серьезнымъ, и потому дачницы припасали для него много всякой пицци.

А благодаря этому, и въ корытѣ Мурмылы стали вдругъ попадаться лакомые куски.

Незнакомецъ и Мурмыло частенько посматривали другъ на друга, но далѣе это знакомство не шло.

Но вотъ однажды незнакомецъ вышелъ на крыльцо съ большимъ кускомъ булки въ рукахъ и позвалъ Мурмылу.

Сразу, разумѣется, никакой смѣльчакъ не рѣшится подойти къ человѣку: коварный народъ эти люди—зоветь будто бы и серьезно, а подойдешь—пинкомъ угоститъ за здорово живешь.

Тѣмъ не менѣе Мурмыло отважился,—ужъ очень серьезнымъ казался ему высокій человѣкъ.

На этотъ разъ Мурмыло не ошибся—у незнакомца оказались самыя серьезныя намѣренія: бросивъ въ широкую пасть весь большой кусокъ булки, онъ принесъ еще два огурца и чашку какой-то необыкновенно пріятной жидкости.

А послѣ этого незнакомецъ принялся чесать сапогомъ спину Мурмылы...

Какое это блаженство, когда чешутъ спину, и особенно противъ шерсти! Кажется, нѣтъ большаго наслажденія въ мірѣ!.. И, признаться, Мурмыло немного удивляется, что люди, столь проворныя и сметливыя существа, до сихъ поръ не додумались до того, чтобы чесать другъ другу спины,—вѣдь благодаря рукамъ, имъ такъ удобно это дѣлать...

И сладостно урчитъ Мурмыло, а сердце его наполнено благодарностью къ серьезному человѣку.

Каково же было удивленіе Мурмылы, когда въ одно прекрасное утро къ дачницамъ пріѣхалъ еще длинный, худой человѣкъ съ двойными глазами, съ большимъ чемоданомъ и какимъ-то блестящимъ треножникомъ.

Положилъ человѣкъ чемоданъ и понюхалъ дачницамъ руки.

У людей есть такая смѣшная привычка: при встрѣчѣ дергаютъ другъ друга за руки или же нюхаютъ ихъ. Впрочемъ, нюхаютъ руки, насколько Мурмыло замѣтилъ, только дачники у дачницъ.

Послѣ этого длинный человѣкъ выскочилъ на крыльцо. Безпокойный это человѣкъ: стоитъ и дрыгаетъ ногой, плюется, крутитъ подъ носомъ волосы, похлопываетъ себя по ногамъ.

Занятный, повидимому, человѣчина. И Мурмыло съ любопытствомъ разсматриваетъ его.

Вертѣлся, вертѣлся странный человѣкъ и вдругъ замѣтилъ Мурмылу. А замѣтивъ, взялся за животъ и принялся хохотать. Вышли дачницы, онъ имъ сталъ показывать пальцемъ на Мурмылу и продолжалъ хохотать...

Это было такъ возмутительно, что Мурмыло, чувствуя оскорбленіе, повернулся къ странному человѣку задомъ и поковылялъ за хату.

Даже немного разстроился Мурмыло: куда-то хотѣлъ пойти, чего-то погрызть—и забылъ. Такъ возмутилъ его человѣкъ съ двойными глазами.

Человѣкъ однако не оставилъ его въ покоѣ. Не успѣлъ Мурмыло какъ слѣдуетъ притти въ себя, какъ пришелъ за хату этотъ странный дачникъ, неся въ рукахъ какую-то коробку и давешній блестящій треножникъ.

Поставилъ человѣкъ треножникъ, а на него примостилъ коробку; и тогда Мурмыло замѣтилъ, что это не коробка, а голова съ большимъ глазомъ. Странная исторія—Мурмылъ никогда еще не приходилось наблюдать ничего подобнаго, и понятно, что онъ готовъ уже былъ просить длинному человѣку его смѣхъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на трехногого съ такой странной головой и только однимъ глазомъ.

Тѣмъ временемъ, длинный человѣкъ, неизвѣстно, для чего накрылся чѣмъ-то чернымъ и приложилъ свою голову къ головѣ трехногого человѣка.

Такъ какъ все это было чрезвычайно загадочно и непонятно, то вскорѣ Мурмылъ стало скучно, и онъ рѣшилъ отправиться къ колодѣ попить..

Но тутъ произошло что-то невѣроятное.

Человѣкъ съ двойными глазами ни съ того ни съ сего принялся вдругъ кричать, размахивать руками. Во избѣжаніе непріятностей, Мурмыло рѣшилъ уйти подальше отъ безпокойнаго дачника.

Но не тутъ-то было. Захвативъ въ руки трехногого человѣка, двуногій принялся гоняться за Мурмылой по всему двору. Гонялся долго и упорно. И—что совсѣмъ ужъ странно—на помощь къ нему пришла и бабуся.

Такъ какъ бѣгать по двору и жарко и утомительно, то Мурмыло рѣшилъ укрыться отъ преслѣдователей въ хлѣвъ—туда люди не любятъ заходить.

Замѣтивъ его намѣреніе, бабуся вдругъ заперла хлѣвъ. Тогда

ужъ Мурмыло остановился въ полнѣйшемъ недоумѣніи и началъ соображать—что бы ему предпринять.

Тѣмъ временемъ преслѣдователь вновь поставилъ трехногого человѣка на землю и опять сталъ возиться около него.

Пока Мурмыло соображалъ, что, пожалуй, удобнѣе всего шмыгнуть въ калитку и удрать на рѣчку, куда ужъ навѣрное не послѣдуетъ безпокойный дачникъ, тотъ закрылъ для чего-то глазъ трехногому человѣку. Опять открылъ и опять закрылъ. А послѣ этого принялся вновь хохотать, хлопать себя по ногамъ и, захвативъ одноглазаго, пошелъ къ дачницамъ, которыя тоже хохотали.

Мурмылу однако онъ оставилъ въ покоѣ, и не нужно было удирать на рѣчку. Совсѣмъ непонятная исторія, и хорошо, если бы она больше не повторялась!.. Мурмыло долго не могъ успокоиться, но пришелъ высокій серьезный человѣкъ, позвалъ его и началъ кормить разными вкусными вещами и чесать спину. Тутъ ужъ забудешь о всѣхъ обидахъ!..

Еще одинъ человѣкъ сталъ приходитъ къ дачницамъ обѣдать и ужинать. Это былъ человѣкъ, весь почему-то блестящій. Особенно блестяло на груди, плечахъ, на головѣ и ногахъ. И когда онъ шелъ, то очень звенѣло...

Настоящая жизнь пошла, серьезная жизнь.

Много готовили пицци, много было остатковъ, и много ихъ перепало на долю Мурмылы.

Правда, бабуся норовила лучшіе остатки отдавать свиньѣ Мадамъ, потому что у той было много поросятковъ. Но зато Мурмылу кормилъ высокій человѣкъ.

Теперь Мурмыло совсѣмъ не стѣснялся съ нимъ. Какъ только приходилъ серьезный человѣкъ и садился на крыльцо, Мурмыло сейчасъ же направлялся къ нему, нюхалъ его сапоги, урчалъ и настойчиво требовалъ пиццу.

И чѣмъ только ни кормилъ высокій человѣкъ! Давалъ чего-то бѣлаго, холоднаго и необыкновенно вкуснаго. А однажды влилъ такой удивительной красноватой воды, отъ которой очень пріятно зашумѣло въ головѣ и почему-то стало очень весело.

Сладкая жизнь пошла. Такой жизни Мурмыло не запомнить. Теперь Мурмыло совсѣмъ не жалѣетъ, что у дачницъ нѣтъ ни одного ребеночка.

Очень безпокойный народъ эти ребята: то норовятъ верхомъ прокатиться, то носъ намажутъ чѣмъ-то такимъ ѣдимымъ, что потомъ и не отчихаешься.

Опасность внушалъ длинный человѣкъ, но его по цѣлымъ днямъ не видно: или спалъ въ саду, въ сѣткѣ, или, отвинтивъ голову у трехногого человѣка и отдѣльно захвативъ его ноги, уходилъ куда-то со двора.

Настоящая жизнь пошла, правильная...

И только сегодня почему-то не пришелъ высокій человѣкъ.

Впрочемъ, не было ни длиннаго человѣка, ни блестящаго человѣка. Не готовили почему-то и обѣда.

А вчера вечеромъ было очень шумно.

Началось, конечно, изъ-за какихъ-то пустяковъ. Мурмыло видѣлъ, какъ пришелъ высокій человѣкъ и ходилъ по комнатамъ въ поискахъ той дачницы, которая повыше, и съ которой онъ всегда сидитъ вмѣстѣ на крыльцѣ.

Мурмылъ было видно съ пригорка, что высокая дачница сидѣла въ крайней комнатѣ вмѣстѣ съ блестящимъ человѣкомъ. Видно было, какъ въ эту комнату вошелъ серьезный человѣкъ. Вошелъ и остановился у двери, схватившись за голову. А потомъ вытащилъ изъ кармана какую-то блестящую штучку и выпустилъ изъ нея огонь прямо въ блестящаго человѣка, сидѣвшаго близко-близко къ высокой дачницѣ.

Поднялся тогда страшный переполохъ, въ которомъ трудно было разобраться Мурмылъ. Сразу забѣгали всѣ: и дачницы, и дѣдъ Стецька, и бабуся, и Химка... Только не бѣгаль блестящій человѣкъ—онъ, неизвѣстно, для чего, лежалъ въ крайней комнатѣ на полу и не поднимался. Не бѣгаль и серьезный человѣкъ. Онъ сидѣлъ одинъ на крыльцѣ, положивъ голову на руки, а плечи его вздрагивали. Такъ дѣлаютъ ребята, когда кто-нибудь сдѣлаетъ имъ больно. Вѣроятно, больно было и большому человѣку... Очень тогда хотѣлось Мурмылъ подойти къ нему и сдѣлать что-нибудь пріятное. Ну, напимѣръ, почесать ему спину своимъ пяточкомъ...

Онъ бы это и сдѣлалъ, если бы не зналъ твердо, что люди совсѣмъ не понимаютъ прока въ чесаніи спины.

Потомъ пришли еще какіе-то невѣдомые люди, очень похожіе на блестящаго человѣка. Долго сидѣли за столомъ, но ничего не ѣли.

Ушли очень поздно, когда Мурмыло отправлялся уже въ хлѣвъ на покой, и почему-то унесли на рукахъ блестящаго человѣка. Съ ними же вмѣстѣ пошелъ и серьезный человѣкъ.

А сегодня утромъ Мурмылу очень удивилъ дачникъ съ двойными глазами: онъ взялъ чемоданъ, взялъ три блестящихъ нога и уѣхалъ на подводѣ.

Обыкновенно дачники уѣзжаютъ, когда становится уже прохладно.

А главное—не готовили сегодня обѣда и не собираются готовить. И нѣтъ серьезнаго человѣка.

Мурмыло совсѣмъ ничего не понимаетъ, и отъ этого ему очень тоскливо, и ходитъ онъ по двору и уныло урчитъ:—Скоро ли придетъ высокій человѣкъ?

Гигантскій ростъ и мозговой придатокъ.

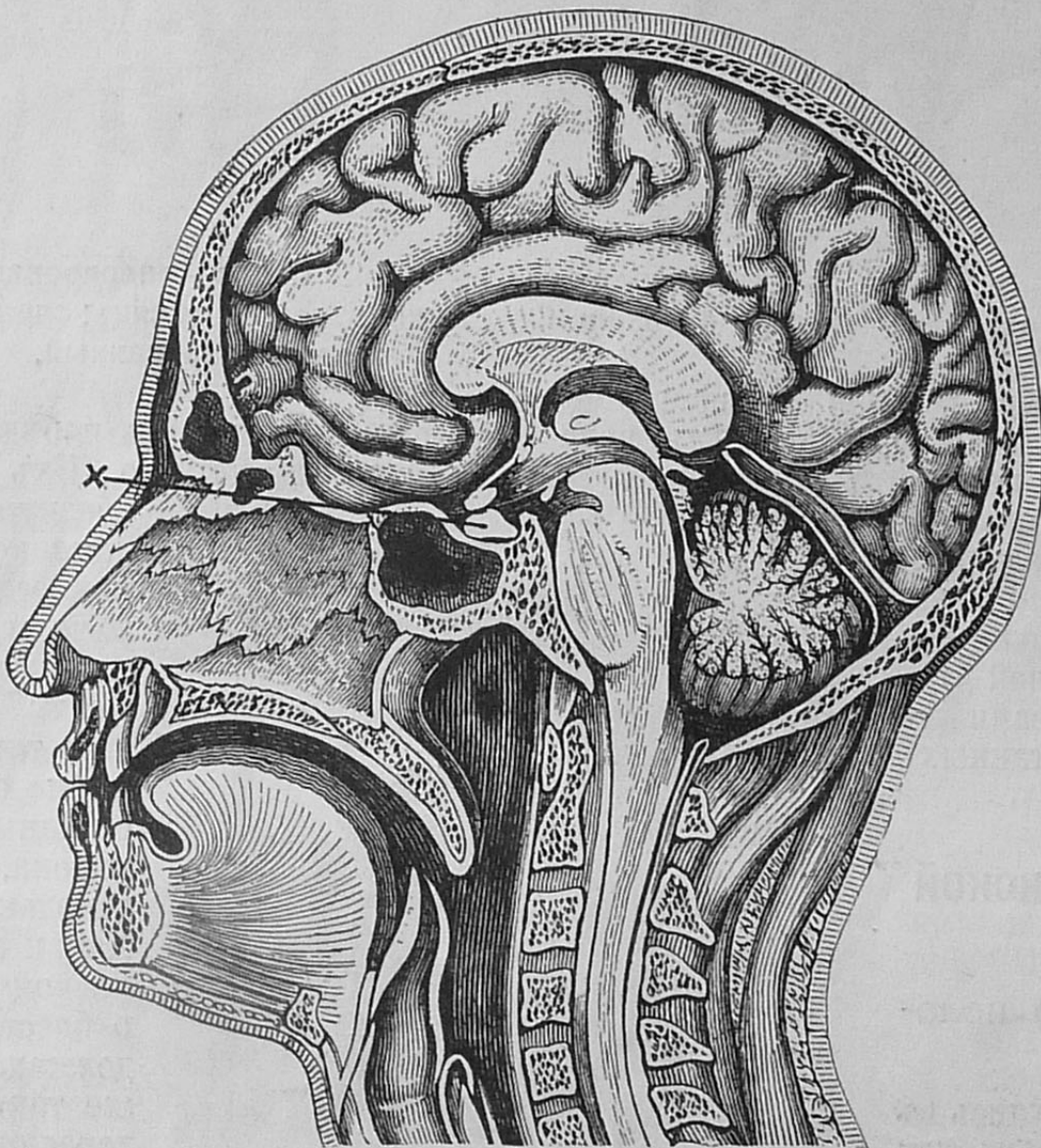
(Съ 7 рис. на стр. 859—860).

Стройныя формы человѣческаго тѣла, проходящаго сложный и долгій путь своего развитія отъ зарожденія и до полного расцвѣта, невольно заставляютъ задумываться надъ вопросомъ о тѣхъ регулирующихъ силахъ, которыя допускаютъ развитіе и разрастаніе массы тѣла только въ тѣхъ предѣлахъ, которыя не нарушаютъ общей гармоніи. Ни одна часть не разрастается сильнѣе, чѣмъ другія, ни одинъ органъ не развивается въ ущербъ другой, весь организмъ растетъ такъ, какъ-будто бы это была одна масса, которая должна достигнуть опредѣленнаго размѣра. На самомъ дѣлѣ въ организмѣ мы встрѣчаемся съ массой органовъ, съ массой разнообразныхъ составляющихъ ихъ тканей, наконецъ съ огромной массой клѣточныхъ элементовъ. Что же управляетъ движеніями всѣхъ этихъ массъ при ихъ развитіи? Если оставить въ сторонѣ физическіе и химическіе законы, которыхъ оказывается достаточно для объясненія возникающихъ простыхъ формъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, то для человѣка этого будетъ недостаточно, и придется принимать еще и другія внутреннія, заложенныя въ опредѣленныхъ участкахъ организма, вліянія, которыя будутъ оказывать свое непрерывное регулирующее дѣйствіе. Благодаря послѣднему, какой бы величины ни былъ организмъ человѣка, всѣ части его будутъ пропорціонально развиты. Въ дѣйствительности нашъ глазъ настолько привыкъ встрѣчать эту пропорціональность въ формѣ человѣческаго тѣла, что сразу отмѣчаетъ всякія отклоненія отъ нормальнаго развитія, которыя мы и приписываемъ различнымъ болѣзненнымъ причинамъ.

Къ убѣжденію въ существованіи нормальнаго органа, завѣдующаго регулированіемъ роста отдѣльныхъ частей, привели многочисленные наблюденія, касающіяся, съ одной стороны, неправильнаго роста тѣла, когда безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ получали усиленный ростъ отдѣльныхъ частей тѣла, которыя выросли до гигантскихъ размѣровъ, совершенно непропорціональныхъ съ остальными частями, а съ другой стороны — наблюденія надъ заболѣваніями такъ называемаго мозгового придатка (гипофиза), которыя связывались съ ненормальнымъ гигантскимъ ростомъ. Мозговой придатокъ располагается на основаніи мозга, какъ это можно видѣть на разрѣзѣ мозга (рис. 1), въ видѣ желѣзнаго кругловатаго образованія, соединяющагося съ мозгомъ при помощи небольшой суживающейся книзу ножки. Гипофизъ помѣщается въ особомъ углубленіи основной кости, извѣстной подъ названіемъ турецкаго сѣдла. Въ прежнее время, когда ученые были заняты вопросомъ о томъ, гдѣ должна помѣщаться душа, мозговой придатокъ нѣкоторое время считался ея вмѣстилищемъ. Въ настоящее время на его долю выпадаетъ болѣе скромная роль, которая становится весьма очевидной въ случаяхъ заболѣванія гипофиза. Эти заболѣванія извѣстны подъ названіемъ акромегаліи, или гигантскаго роста, и выражаются въ чрезмѣрномъ увеличеніи частей лица (челюстей, губъ, носа, языка), а также гигантскомъ ростѣ рукъ и ногъ. На рис. 2 видно, какъ рѣзко выступаетъ несоотвѣтствіе между чрезмѣрнымъ развитіемъ нижней части лица и несоразмѣрно малой головой, а также огромными руками по сравненію съ туловищемъ. Кромѣ этихъ неприятныхъ внѣшнихъ признаковъ, акромегалія сопровождается еще расстройствами въ половой сферѣ, расстройствами зрѣнія, а также тягостными головными болями. Всѣ эти явленія акромегаліи получаются вслѣдствіе заболѣванія

мозгового придатка, вслѣдствіе развитія въ послѣднемъ опухолей, сдавливающихъ и раздражающихъ ткань придатка. Значеніе придатка для роста организма установлено также опытами надъ животными. Если у молодыхъ животныхъ вырѣзать мозговой придатокъ, то ихъ ростъ останавливается, вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и пропорціональность частей. На приложенныхъ рисункахъ можно видѣть результаты этихъ опытовъ. Здѣсь рядомъ изображены два щенка одного возраста; у одного изъ нихъ удаленъ мозговой придатокъ, другой оставленъ для контроля. Послѣ операціи щенокъ замѣтно началъ отставать въ ростѣ по сравненію съ неоперированнымъ, и эта разница доходитъ до такихъ размѣровъ, какъ-будто мы имѣемъ предъ собой собакъ двухъ различныхъ породъ (рис. 3, 4 и 5).

Когда была установлена связь между гигантскимъ ростомъ и заболѣваніемъ мозгового придатка, то возникла трудная задача — прекратить дальнѣйшее развитіе заболѣванія хотя бы путемъ удаленія послѣдняго при помощи ножа хирурга. Въ виду того, что мозговой придатокъ расположенъ настолько глубоко въ полости черепа и закрытъ со всѣхъ сторонъ, то, само собой понятно, операція представляетъ значительныя техническія трудности. Какимъ путемъ можно подойти къ мозговому придатку? Для этого необходимо или, во-первыхъ, проникнуть въ полость черепа, образовавъ въ немъ отверстие, и приподнять лобныя доли мозга для того, чтобы добраться до костнаго углубленія, въ которомъ лежитъ придатокъ, или, во-вторыхъ, проникнуть къ придатку черезъ основаніе че-

× Мозговой придатокъ.

Рис. 1. Поперечный разрѣзъ мозга.

репа, идя къ нему черезъ полость рта и носа. При второмъ способѣ операціи удается получить болѣе широкій доступъ, если предварительно разсѣкаются костныя стѣнки и носа носовая перегородка и вмѣстѣ съ мягкими частями отклоняются въ сторону. По окончаніи операціи, все опять ставится на мѣсто, сшивается, и, какъ

можно видѣть на прилагаемыхъ снимкахъ (рис. 6 и 7), отъ операціи почти не остается замѣтныхъ слѣдовъ. Часто случается, что опухоль придатка продавливаетъ кость и иногда лежитъ уже собственно внѣ черепной полости, что облегчаетъ ея удаленіе чрезъ носовые пути. Такъ какъ заболѣваніе мозгового придатка сопровождается, кромѣ акромегаліи, еще и другими проявленіями и особенно тягостными головными болями, то желаніе избавиться отъ тяжелыхъ страданій заставляетъ больныхъ соглашаться на операцію.

Чрезвычайно интересно прослѣдить, какъ быстро и какія значительныя измѣненія вызываетъ удачно выполненная операція мозгового придатка, пораженнаго какой-либо опухолью. Обычно распознаваніе самого заболѣванія, связаннаго съ такими характерными признаками, такими явными признаками, не представляетъ особеннаго затрудненія. Распознаваніе опухоли мозгового придатка, подтвержденное еще на рентгеновскихъ снимкахъ, тѣмъ самымъ даетъ поводъ для того, чтобы произвести операцію.

Фотографіи, снятыя до операціи и послѣ операціи, наглядно иллюстрируютъ замѣчательные результаты операціи. Въ приведенномъ случаѣ операція опухоли мозгового придатка была произведена у тридцатилѣтней женщины. Заболѣваніе началось проявляться головными болями, набуханіемъ рукъ и ногъ, которыя настолько увеличились, что обувь приходилось постоянно мѣнять на болѣешіе номера. Губы, ноги, языкъ сдѣлались толстыми. Вслѣдствіе увеличенія челюстей зубы отошли другъ отъ друга. Удаленная при операціи опухоль моз-

Рис. 2. Гигантскій ростъ (акромегалія).

гового придатка оказалась злокачественной. Уже в первые дни сказывается благоприятное действие операции: наступают улучшение общего состояния, бодрость духа. Спустя 5 дней, стало заметно уменьшение челюстей и сближение разошедшихся зубов, одновременно шло уменьшение языка и губ. На 8-й день наступило заметное уменьшение рук и ног, при чем пальцы рук утончались с каждым днем. Обувь, в которой пациентка явилась в клинику, оказалась настолько велика теперь для нея, что она отказывалась признать ее за свою. Весь тѣла также значительно уменьшился. Как видно на фотографии, справа и на кончике носа еле заметен рубец от операционного разреза.

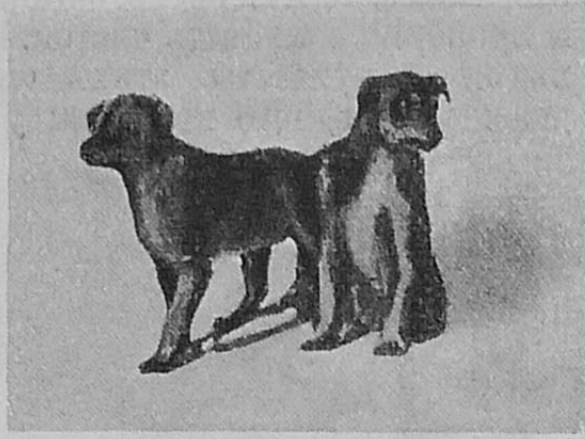

Рис. 3. Опыты с вырезанием мозгового придатка. До операции.

Таковы успехи современной медицины, устанавливающей причинную связь заболеваний отдельных частей мозга и их внешними разнообразными проявлениями, дающие возможность с уверенностью направлять нож хирурга и удалять действительную причину болезни. Одним взмахом ножа освобождая больного от тяжелого заболевания. Таковы успехи хирургии, для которой в настоящее время почти не остается уже недоступных уголков в человеческом теле, перед которыми в нерешительности бы остановился хирург, смѣло вскрывающий полость черепа, извлекающий части мозга, накладывающий шов на живое сердце, работающий свободно над самыми нежными и сложными органами человеческого тела в полной уверенности в удачных исходах рискованных и сложных операций, точно выработанных в своем плане.

Ходъ и перспективы балканской войны.

(Обзор военных действий до половины октября).

Вслед за черногорцами смѣло ринулись в неравный бой с вѣковым угнетателем все народы Балканского полуострова, все армии балканской коалиции. Болгары, сербы и греки почти одновременно перешли турецкую границу, отбросили первые линии турецких войск и послѣ сравнительно незначительных авангардных боев заняли цѣлый ряд укрепленных стратегических позиций, селений и городов. Такъ, греки послѣ четырехчасового сражения заняли город Элассонъ, захватив несклько орудий. Болгары овладѣли широкой пограничной полосой и важным стратегическим укреплением при городкѣ Мустафа-паша

Рис. 6. Акромегалия—до операции.

и Курткале и Джумаю, наконец сербы послѣ напряженного боя у Подуева заняли цѣлый ряд важных стратегических пунктов, открывающих дорогу для дальнѣйших операций: Царево село, Султанъ-Тепе, Куманово, Криву-Паланку, а западный отряд, идущий на соединение с черногорцами, занял Сѣницу и Новый Базаръ. Передовые сербские отряды завладѣли Приштиной, внося растерянность в ряды арнаутовъ, а падение Кратова и Кочане грозит обходом правому флангу турокъ. Пробившись къ Овчему и Коссовому полю, сербы с черногорцами предпримут движение на Ускюб (Скопье) и одним решительным ударом могут здѣсь сломить сопротивление растерянного и неподготовленного врага.

Нарисовать общую картину войны довольно трудно вследствие необычайной и почти непримѣрной в военной исторіи разбросанности театра военных действий. Наступление ведется сразу с четырех фронтовъ четырьмя разноплеменными армиями, разблѣнными притом же, какъ болгарская, сербская и отчасти

черногорская, на отдѣльные, самостоятельно действующие, отряды, связанные только общностью стратегических цѣлей. Общій планъ кампании союзниковъ пока хранится в глубокой тайнѣ. Насколько можно догадываться со стороны, действия союзниковъ, соображаясь с общим контуромъ расположения неприятельских силъ, должны стремиться къ тому, чтобы быстрымъ и энергичнымъ натискомъ восточнаго фланга сербской армии ударить на сообщения турецких отрядовъ, действующихъ против черногорцевъ, и зайти в обходъ корпусовъ, обороняющихъ Адрианополь. Повидимому, именно с этою цѣлью было выполнено движение на Куманово и Приштину. Сербскія силы были густо сосредоточены подъ Подуевымъ и послѣ жаркаго сражения завладѣли имъ, захвативъ обильные запасы провѣанта и снарядовъ. Значительность потерь, понесенныхъ обѣими сторонами, указывает на упорство защиты и ожесточенность боя. Слишкомъ стремительное отступление турокъ, не успѣвшихъ вывезти свои запасы, даетъ право поздравить сербовъ с первой побѣдой.

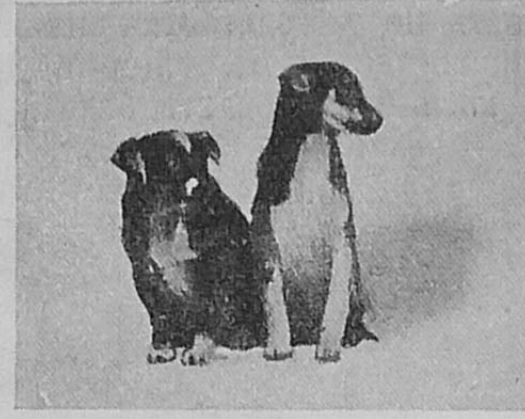

Рис. 4. Слева—оперированный щенокъ, спустя мѣсяцъ; справа—не оперированный.

На положеніи маленькой черногорской армии эта побѣда братскаго оружія должна отразиться крайне благоприятно. Ихъ противники и безъ того были сильно обезкуражены первыми, действительно ошеломляющими, успехами черногорцевъ, ихъ героическими атаками Вѣлополя, Гусинье, Беране и Тузи, а главное—потерей цѣлой дивизии храбрыхъ низамовъ военнопленными.

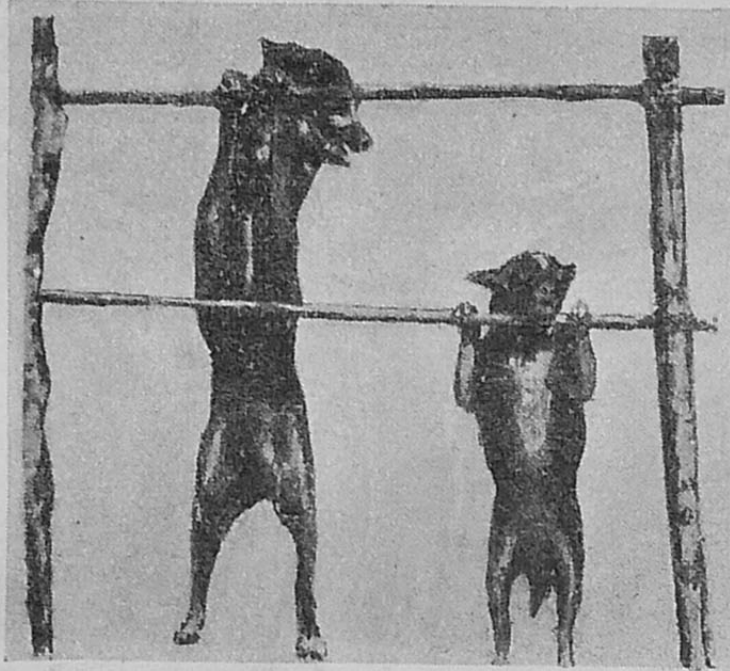

Рис. 5. Разница в ростѣ, получившагося у собаки с вырезаннымъ мозговымъ придаткомъ.

Послѣ сдачи Тузи защита Беране не была уже такой упорной и послѣ занятия черногорцами окрестныхъ высотъ закончилась послѣшнимъ и беспорядочнымъ бѣгствомъ гарнизона, свидѣтельствующимъ о довольно значительной деморализации в рядахъ армии. Характерно, что турки, в течение всей итальянской кампании не перестававшіе сообщать о блестящихъ побѣдахъ своего оружія и продолжающіе, повидимому, придерживаться той же тактики и в балканской войнѣ, уже не дерзаютъ отрицать поражений, понесенныхъ в борьбѣ с черногорской арміею, но объясняютъ ихъ, с одной стороны, коварной измѣной племени малиссоровъ, а с другой—ненадежностью оставшихся вѣрными арнаутовъ. Они даже попробовали взять обратно Беране, но двухтысячный отрядъ, двинутый в атаку для завоеванія утерянной позиции, попалъ в засаду и былъ уничтоженъ перекрестнымъ огнемъ черногорцевъ за исключениемъ 250 человекъ, сдавшихся в пленъ. Удачное отраженіе этой атаки было пока послѣднимъ блестящимъ успехомъ черногорцевъ. Они подошли къ Скутари, которое представляетъ собою серьезную крѣпость с почти тридцатитысячнымъ гарнизономъ и теперь сосредоточиваютъ силы для решительнаго удара. Овладѣть такимъ значительнымъ укреплениемъ будетъ не такъ-то легко, если атакующимъ, кромѣ ихъ легендарнаго мужества, закаленного в огнѣ почти непрерывныхъ столѣтнихъ войнъ, и сказочной мощи исторически воспитаннаго національнаго гения, не поможетъ также и растущая деморализация противника, уже при веденномъ в трепетъ первыми ударами и вдобавокъ отрѣзаннаго отъ Константинополя вторжениемъ сербской армии на пути тыловыхъ сообщений.

Рис. 7. Акромегалия, тотъ же случай, послѣ операции.

Въ несомнѣнной связи с движениемъ сербской армии находится и движение восточной болгарской армии. Въ то время, какъ западный отрядъ болгарскихъ войскъ смѣло и стремительно ринулся в обходъ Адрианополя, взялъ Мустафу-пашу, Новое Тыр-

ново, Чирменау, считающееся передовым форпостом Адрианополя, открывающим артиллерийский обстрел главных фортов крепости, и ряд второстепенных селений, и приблизился к укрепленному лагерю Киркь-Килиссе, восточный отряд, оперирующий против Адрианополя справа, в течение 2—3 дней оставался почти без движения и продвинулся в глубь турецкой территории всего на 6—7 верст, очевидно, дожидаясь исхода сербской атаки на Подуево. Прорыв сербов на Кюстендил и Приштину вынудит турок, стоящих против правого фланга болгарской армии, к отступлению на вторые позиции по направлению к Адрианополю и Ускюбу и, вероятно, послужит началом быстрых обходных движений западного отряда болгарской армии. Здесь надо ожидать несколько решительных атак на арберггард удаляющегося неприятеля. Недостаток кавалерии, вероятно, не позволит болгарам выполнить операцию насаждения на отступающую армию противника по всем правилам военного искусства. Успех подобных операций зависит главным образом от стремительности преследования и от степени спокойствия и выдержки отступающего противника.

Первые успехи союзников успели поднять дух их воинов, особенно взятие Мустафы-Паши, уже переименованного в честь царя в Фердинандово, и взятие в плен двух с лишним сотен турецких кавалеристов, так что, по видимому, в энергия болгарских атак сомневаться не приходится. При некоторой поколебленности духа в турецких рядах среди еще недостаточно укомплектованной, слишком замедлившейся мобилизацией, армии можно ожидать очень удачных операций на всем фронте военных столкновений.

Дезорганизация военных сил Турции значительно поможет участию в военных действиях Греции. Ея армия очень не велика, в смысле подготовки, значительно отстает от союзников, но зато Греция обладает тем, чего нет ни у одного из союзных балканских государств: флотом, более сильным, более быстрым и быстроходным, чем у Турции. Главное средство поражения турок она принесет не на суше, а на море. Хотя ее армия после жаркого боя взяла Эласонь, заставила отступить слабый турецкий заслон к Сербии и сможет оказать свое действие, подойдя во фланг и в тыл македонским силам Турции с юго-запада, но еще опаснее для турок то обстоятельство, что греческий флот занял остров Лемнос у входа в Дарданеллы и объявил блокаду от Салоник до Малой Азии, прекратив морской подвоз из мало-азийских военных округов расположенных там войск и запасных на Балканы. Сокращение питания турецкой армии подкреплениями крайне затруднит ей защиту Адрианополя и Константинополя и уже само по себе может повести к поражению. Турецкий флот, чувствуя свое бессилие в борьбе с греческим, занялся бомбардировкой незащищенных Варны и Шумлы, но в случае, если бы Болгария сумела обзавестись хотя бы одной подводной

лодкой, и эта бессмысленная операция может обойтись ему очень дорого.

Сражения, которые готовятся в Македонии и Старой Сербии, полны такого же исторического значения, как Грюнвальдский бой, бой при Калкь и Куликовском полье. На карту поставлена будущность славянских народов—вот почему они ведут борьбу на жизнь и смерть с безповоротной решимостью или победить, или умереть.

Самым блестящим успехом болгарской армии является за последние дни бесспорно взятие Киркь-Килиссе (Лозен), сильной естественной крепости, охранявшей правый фланг турецкой позиции. О ней реорганизатор турецкой армии фонь-дерь-Гольц-паша будто бы сказал, что она может быть взята только при двух условиях: во-первых, если осада будет длиться не менее трех месяцев, и во-вторых, если осаждают ее будет германская армия. Вместо доблестной германской армии осада велась молодой болгарской армией и закончилась падением крепости на третий день. Как говорят, болгарам много помогла неудачная вылазка турок: уничтожение целой колонны с потерей двух батарей артиллерии, неорганизованность снабжения турецких войск пищей и военными припасами, запоздалость мобилизации, не позволившая заранее сосредоточить в первой линии достаточное количество сил,—все это заметно подорвало дух турецкой армии и сделало ее менее устойчивой. Почти три дня и три ночи велись неустанные бои вокруг фортов. После занятия Мустафы-Паши незамедлительно передвинутые на восточный фронт болгарские полки овладели целым рядом окружающих укрепленных

пунктов, густо обложили крепость почти с двух сторон и начали обходное движение с заходом с правого фланга. В непрерывной и меткой артиллерийской стрельбе, в настойчивых и неотразимых штыковых атаках, в выдержанной подготовленности и методичности действий турки почувствовали силу противника и, когда увидели болгарские части заходящими с фланга, поддались общей панике и обратились в бегство. Только благодаря тому, что успешное и самовольное очищение крепости гарнизоном началось еще ночью, болгарам попали в плен только около двух тысяч человек из дивизии, долженствовавшей прикрывать отступление. Вся крепостная артиллерия, гаубицы, две батареи полевой артиллерии, огромные запасы ружей, патронов, снарядов, миллионы пудов провiantа—все попало в руки счастливого победителя. Турки объясняют свое поражение случайной паникой, возникшей отчасти вследствие того, что в рядах их войск было не мало славян. Сравнительно небольшое количество пленных доказывает, что хотя поражение турок было полным, но оно не было использовано победителем вполн, вероятно, отчасти за недостатком кавалерии. Отступающие корпуса усыпали свой путь брошенными обозами,

Вновь назначенный в Россию болгарский посланник С. С. Бобчевъ.

Генераль Савовъ, главнокомандующий болгарских армий.

Генераль Ивановъ, командующий 1-й болгарской армией.

Генераль Фичевъ, начальник штаба болгарских армий.

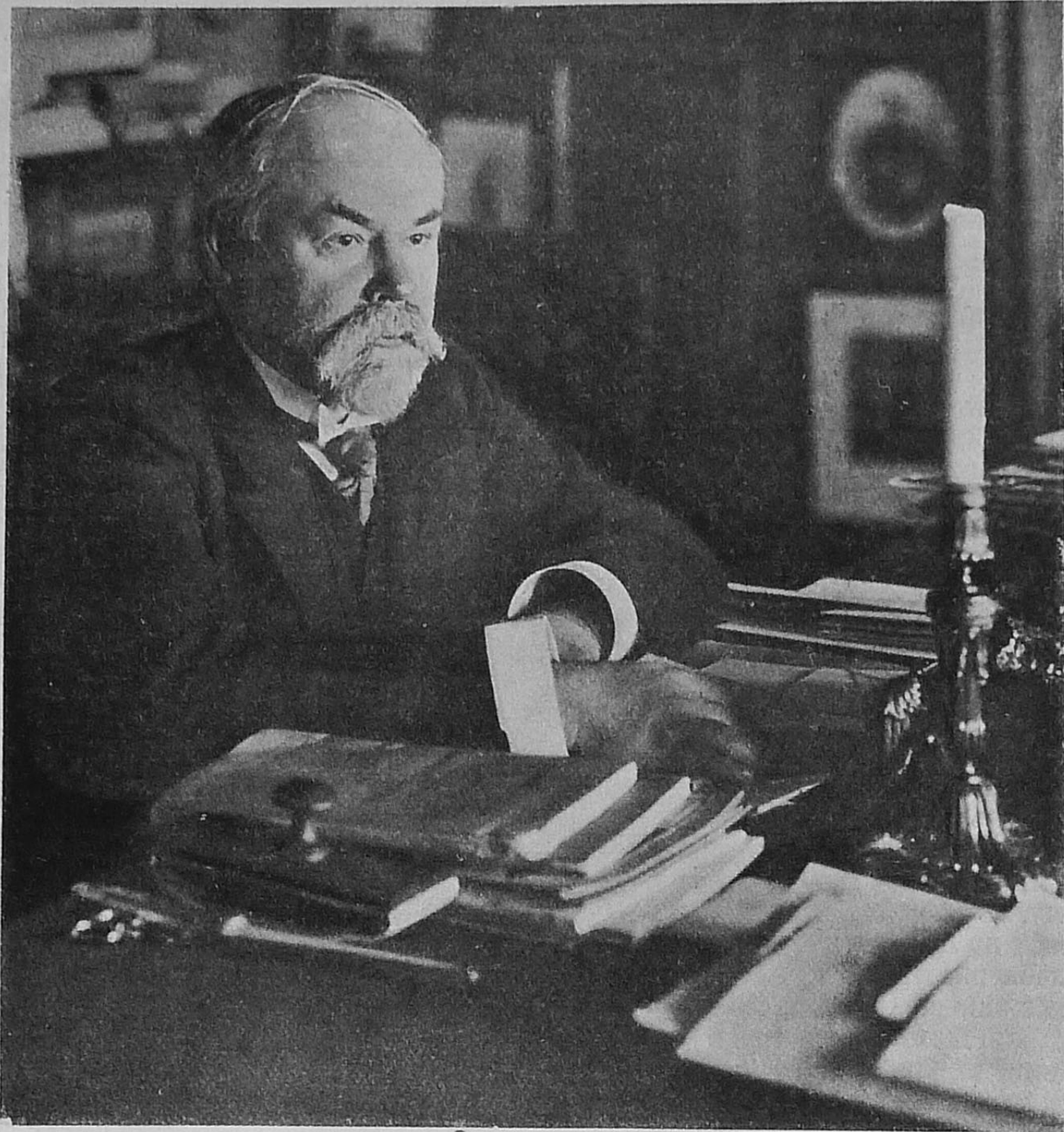
Ридко Димитриевъ, командующий 2-й болгарской армией.

Къ событіямъ на Балканахъ.

амуницией, оружіемъ, но все-таки уходили на югъ, спасаясь отъ преслѣдованія. Между другими трофеями въ руки болгаръ попали палатка и все имущество корпуснаго командира Мухтара-паши. Первоначально отрицавшіе свое поражение турки въ концѣ концовъ признали скорбный для нихъ фактъ и отдали главныхъ военачальниковъ подъ судъ и около полтораста солдатъ подвергли разстрѣлу за трусость. Такими мѣрами едва ли возможно поднять упавшій духъ голодной и деморализованной арміи. Преслѣдуемая по пятамъ, она отдала болгарамъ и Визу и желѣзнодорожную станцію Эскибабу, лежащую въ центрѣ второй, заранѣе намѣченной, оборонительной линіи. Занятіемъ желѣзнодорожной станціи Эскибабы Адрианополь оказался отрѣзаннымъ отъ сообщенія со столицей, а вторая линія защиты—прорванной въ самомъ центрѣ. Эта неудача заставила турокъ отступить еще дальше по направленію къ столицѣ и концентрировать подходящія съ юга подкрѣпленія не то около Чарлу, не то около Чаталджи. Въ скоромъ времени на этомъ театрѣ войны должно разыграться рѣшительное сраженіе.

Послѣ занятія Эскибабы и перерыва сообщенія Адрианополя съ Константинополемъ судьба крѣпости считается уже почти рѣшенной: плохо снабженная, потерявшая при первыхъ же атакахъ передовые форты, она едва ли можетъ долго продержаться подъ убійственнымъ огнемъ подвезенныхъ болгарами осадныхъ орудій. Овладѣніе Адрианополемъ позволитъ болгарамъ передвинуть всю свою армію къ передовымъ позиціямъ у Чарлу или Чаталджи и перенесетъ центральный интересъ кампаніи къ югу.

На старосербскомъ театрѣ войны рѣшающее значеніе имѣлъ, повидимому, двухдневный бой подъ Кумановомъ. Офіціальныя сербскія реляціи, сообщавшія объ одержанной побѣдѣ какъ-то вскользь и, между прочимъ, на ряду съ побѣдой у Приштины и Новаго Базара, не давали представленія объ ея истинномъ характерѣ и размѣрахъ. Между тѣмъ, послѣдствія ея были въ высшей степени важны. Она внесла такое смятеніе въ ряды противника, что онъ какъ-то сразу утратилъ способность къ дальнѣйшему сопротивленію. Турки, сражавшіеся до сихъ поръ мужественно и стойко, съ этого момента обращаются въ беспорядочное бѣгство и даже старую, заново вооруженную крѣпость Ускюбъ, охраняющую центральный желѣзнодорожный узелъ, сдаютъ безъ выстрѣла со всеми собранными тамъ пушками, запасами оружія, снарядовъ и провіанта. Съ паденіемъ Ускюба отдаются союзни-

П. И. Шукинъ († 12 октября с. г.).

камъ вся Старая Сербія, Санджакъ и Албанія. Оно знаменуетъ окончаніе черногорской кампаніи, и поэтому что защита брошенныхъ въ неприятельскомъ краю отдѣльныхъ крѣпостей, въ родѣ Скутари и Призрѣна, утрачиваетъ уже всякій смыслъ. Помогавшіе туркамъ арнауты послѣ занятія Ускюба и Митровицы разбѣжались по домамъ и положили оружіе, а регулярныя войска отступили отчасти къ Монастырю, отчасти на Иштибъ и Велесъ (Кепрюлю). Преслѣдуемая ихъ по пятамъ сербская армія заняла Велесъ (Кепрюлю), Иштибъ тоже уже занятъ по однимъ свѣдѣніямъ сербскимъ, по другимъ — болгарскимъ отрядомъ. Другая болгарская колонна, вышедшая изъ Кирджаль, овладѣла станціей Гюмилджинъ на жел. д. Салоники — Дедеагачъ и отрѣзала отступающую подъ ударами сербовъ армію Зекки-паши отъ главной восточной арміи Абдуллаха-паши. Всѣ три сербскія арміи соединились на пространствѣ между Иштибомъ и Велесомъ и, раздавивъ остатки тающей въ поспѣшномъ бѣгствѣ арміи Зекки-паши, въ нѣсколько переходовъ могутъ быть передви-

нуты по салоницкой дорогѣ къ центральному театру главныхъ военныхъ дѣйствій подъ Константинополемъ. Положеніе западной турецкой арміи ухудшается еще тѣмъ, что ей отрѣзывается отступление и къ Салоникамъ, такъ какъ съ юго-запада къ нимъ приближается греческая армія, занявшая Верію, послѣднюю естественную преграду по пути къ Салоникамъ, выходя въ море прегражденъ греческимъ флотомъ, а движеніе къ Дедеагачу и Константинополю закрыто болгарскими отрядами. Занятіемъ Веріи и Кожане и угрозой Салоникамъ греки отрѣзали отъ сообщенія и эпирскую армію Махмутъ-Шефкетъ-паши. Все это дѣлаетъ весьма возможнымъ цѣлый рядъ капитуляцій, которыя ускорятъ сосредоточіе сербско-болгарскихъ и даже, можетъ-быть, и соединенныхъ греко-черногорскихъ силъ подъ стѣнами Царьграда и дадутъ возможность атакующимъ уравнивать тѣ подкрѣпленія, которыя турки успѣютъ подвезти съ азіатскаго берега. У нихъ имѣется еще пять совершенно нетронутыхъ корпусовъ, которые спѣшно перевозятся съ кавказской границы и мало-азійскаго района. Весь вопросъ побѣды при такомъ рѣзкомъ неравенствѣ силъ сводится къ выигрышу времени. Оборону Санджака Македоніи и Старой Сербіи можно разсматривать съ стратегической точки зрѣнія какъ простую задержку неприятеля на передовыхъ позиціяхъ для концентраціи силъ на второй линіи. Но пока и задержка была слишкомъ ужъ кратко-

Зданіе новаго Шукинскаго музея.

П. И. Шукинъ и его музей въ Москвѣ. (По фот. А. Савельева въ Москвѣ).

временной, да и концентрация сил совершается, повидимому, слишком медленно. Даже в более культурных странах спешно импровизированные армии всегда выходят не особенно надежными, а в промышленно неразвитой и экономически разоренной Турции эта задача еще труднее. Взять хотя бы материальную часть. Турками за первые дни поражения потеряно около 250—300 пушек, — наиболее новая и ценная часть их артиллерии, возобновить которую за перерывом сообщений с Европой до окончания войны им почти невозможно, а без хорошей артиллерии в современном бою защита немислима.

Кроме людей, для армии нужны и обмундировка, и съестные припасы, и оружие, и запасы снарядов, но на ходу при растерянности и дезорганизации правительства и при остром безденежье заставить все необходимое не так-то легко. На стороне противников, кроме пыла одержанных побед, все преимущества организованности. Они располагают огромными запасами оружия и провiantа, отнятыми от турок. Занятие провинций с

славянским населением усилить ряды союзников большим количеством отважных бойцов. Уже и теперь на полях сражений выступают цѣлые батальоны македонцев и сербских четников. Отрѣзанный Бургасъ, по частным телеграммамъ, занятъ болгарами, и теперь въ качества послѣдней оборонительной линіи у нихъ остается заранѣе укрѣпленная позиція Чорлу. Когда будетъ бита и эта послѣдняя карта, тогда отстоять существованіе Турціи въ Европѣ можетъ только военно-дипломатическое заступничество великихъ державъ.

Тоннель, соединяющій новое зданіе Щукинскаго музея со старымъ.

П. И. Щукинъ.

12 октября с. г. въ Москвѣ скончался Петръ Ивановичъ Щукинъ, извѣстный основатель „Музея П. И. Щукина“, любитель науки и искусства и издатель историческихъ памятниковъ.

П. И. Щукинъ родился 18 февраля 1853 г. въ почтенной и старой купеческой семьѣ; со стороны матери, рожденной Ботки-

Общій видъ главной залы стараго музея.

П. И. Щукинъ и его музей въ Москвѣ. (По фот. А. Савельева въ Москвѣ).

ной, онъ принадлежалъ даже къ купеческой аристократіи; одна изъ его тетокъ была замужемъ за поэтомъ А. А. Фетомъ. На одиннадцатомъ году П. И. былъ отправленъ въ Выборгъ и отданъ въ пользовавшуюся тогда отличной репутацией Бемскую школу (Behm-sche Schule), съ вполне нѣмецкимъ обиходомъ и преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ. Пробывъ въ ней четыре года, П. И. былъ переведенъ въ петербургскій пансіонъ Гирста (1867 г.). Возвратившись въ 1871 г. въ Москву, онъ нѣкоторое время продолжалъ свое образованіе дома, подъ руководствомъ лучшихъ частныхъ учителей. Цѣлью П. И. было специальное высшее техническое образованіе, и онъ собирался поступить въ Технологическій институтъ, но, по желанію отца, которому нуженъ былъ помощникъ въ его выдающемся мануфактурномъ дѣлѣ, вступилъ прямо въ практическую школу жизни, отправился за границу и жилъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ и Лионѣ, служа на фабрикахъ шелковыхъ тканей, изучая мануфактурный рынокъ и производство. Въ 1878 г. П. И. возвратился въ Россію и вступилъ въ качество товарища въ основанный отцомъ торговый домъ подъ фирмой „И. В. Шукинъ съ сыновьями“. После смерти отца П. И. счастливо и умѣло руководилъ этимъ предпріятіемъ и весьма увеличилъ свое состояніе.

Значительную часть своихъ огромныхъ денежныхъ средствъ и буквально всю свою душу П. И. Шукинъ вложилъ въ дѣло высокой культурной важности. Еще въ годы юности, живя и разъѣзжая за границей, П. И. сталъ собирать книги, произведенія искусства, старинныя вещи. Запросы его въ этомъ отношеніи были весьма широкіе. Онъ собиралъ

всевозможные предметы, цѣня въ нихъ не одну только рыночную рѣдкость, но еще болѣе ихъ значеніе для науки и искусства. Персидскія ткани и французскія гравюры XVIII вѣка, древне-русское оружіе и картины новѣйшихъ художниковъ, автографы выдающихся людей и старообрядческія иконы, рѣдкія книги и именныя печати—все находило у него свою оцѣнку и мѣсто въ обширныхъ коллекціяхъ. Менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ у П. И. составилъ разнообразный и богатый музей по всевозможнымъ отраслямъ знанія и искусства, и въ 1892—1893 г. г. для музея пришлось выстроить специальное красивое зданіе. Музей продолжалъ расти и расти, и черезъ нѣсколько лѣтъ къ нему былъ пристроенъ еще одинъ домъ. Въ 1905 г. П. И. передалъ въ собственность государства всѣ собранныя имъ сокровища, со всѣми зданіями и землею, на которой они выстроены, на малой Грузинской улицѣ, и бібліотеку, и архивъ, и картинную галерею, и коллекціи гравюръ, старинныхъ и рѣдкихъ вещей, словомъ—безъ исключенія все, что собиралъ онъ десятки лѣтъ съ любовью и не жалѣя денегъ. Щедрый даръ П. И. былъ, конечно, принятъ, жертвователемъ изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ былъ произведенъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а музей, подъ названіемъ „Музея П. И. Шукина“, составляетъ теперь особое отдѣленіе Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ память Императора Александра III.

Въ своей собирательской дѣятельности П. И. былъ совершенно чуждъ той эгоистической черствости и сухости, которая обычно свойственна коллекціонерамъ. Самъ наслаждаясь своими пріобрѣтеніями, онъ не таилъ ихъ отъ другихъ, не держалъ подъ спудомъ, а охотно позволялъ другимъ пользоваться ими; со многими учеными работниками дѣлился онъ добытыми имъ документами. Особенное вниманіе удѣлялъ онъ русской исторіи и издавалъ собранные имъ сырые матеріалы. Эти солидно отпечатанныя и переплетенныя въ папку книги въ малый листъ онъ печаталъ всегда въ одномъ и томъ же небольшомъ количествѣ (200 экземпляровъ) и раздавалъ и разсылалъ только специалистамъ, ученымъ

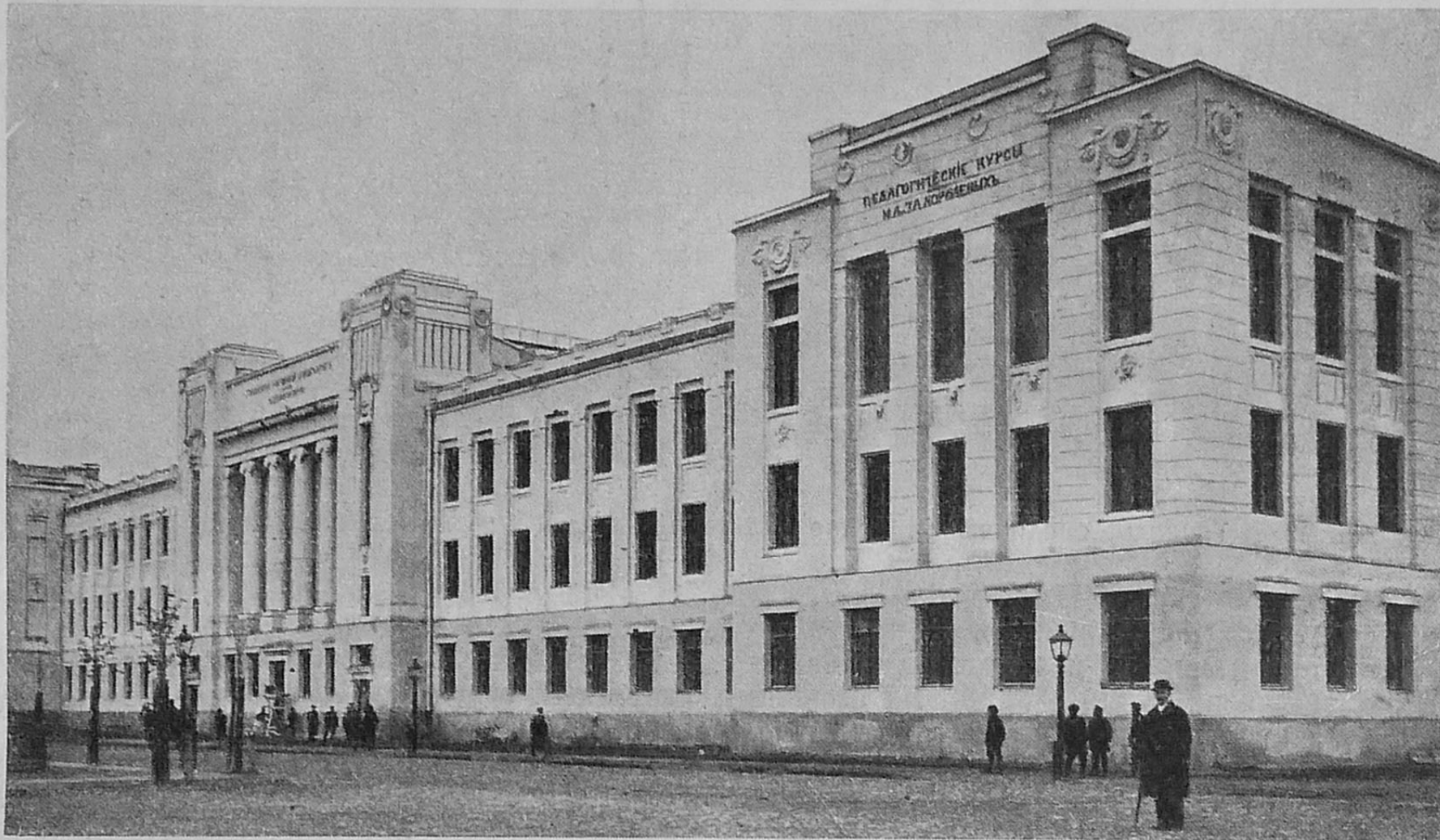
и писателямъ. Главныя изъ этихъ изданій — „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Шукина“, „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны“, „Шукинскій Сборникъ“—составили томовъ тридцать историческихъ документовъ, подчасъ первостепеннаго научнаго и литературнаго значенія. Особенно интересуюсь двѣнадцатымъ годомъ, П. И. составилъ замѣчательную коллекцію книгъ, вещей, портретовъ, листовъ, картинокъ, относящихся къ этой эпохѣ.

Въ послѣдній годъ своей жизни П. И. неожиданно выказалъ себя съ такой стороны, съ которой могли знать его лишь немногіе. Далекій отъ литературнаго авторства, онъ, словно предчувствуя близкую смерть, застигнувшую его, впрочемъ, внезапно, сталъ писать свои воспоминанія. Въ оцѣнкѣ людей и событій П. И. оказался на страницахъ своихъ мемуаровъ, нѣсколько большихъ главъ которыхъ онъ успѣлъ напечатать, такимъ же наблюдательнымъ, умѣющимъ выдѣлять все существенное и характерное, какъ въ своемъ собирательствѣ, такъ же проявляя и вкусъ, и остроуміе, и изощренное историческое чутье.

Его картинка московской жизни, на фонѣ которой самъ онъ былъ интересной, колоритной, истинно-московской фигурой, набросаны такъ добродушно, такъ весело, съ такимъ пониманіемъ „жанра“, что отъ иныхъ страницъ оторваться трудно.

Да, благородный умъ и живое, доброе сердце трепетали въ этомъ хорошемъ человѣкѣ. Ни духовныхъ талантовъ ни талантовъ матеріальныхъ, отпущенныхъ ему судьбою, онъ не зарылъ бесплодно въ землю. Пусть же она легко ляжетъ надъ его гробомъ!

Н. Л.

Дворецъ Науки въ Москвѣ. Городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. Къ его открытію въ г. Москвѣ. (По фот. С. Смирнова).

Къ рисункамъ.

Тихая, золотая осень... Всѣ тропинки въ старомъ паркѣ усеяны желтыми листьями, пышный газонъ вянетъ и желтѣетъ, сквозь порѣдѣвшіе кусты и деревья ярко бѣлѣютъ статуи.

Этимъ настроеніемъ тишины и осенней задумчивости полна прелестная картина Э. Фурнье „Въ зеркалѣ бассейна“.

Въ старое время и у насъ и за границей была въ большомъ почетѣ соколиная охота. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ у насъ былъ даже установленъ особый „чинъ“ такой охоты, и она отличалась яркой красочностью и картинностью. Такая же красочность чувствуется и въ той средневѣковой рыцарской охотѣ, которая изображена Ж. Лефлеромъ на его картинѣ.

Скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1904 году) знаменитый нѣмецкій художникъ Францъ Ленбахъ создалъ громадную галерею изумительныхъ по сходству и по рѣдкой художественности портретовъ. Его кисти принадлежатъ замѣчательные портреты Бисмарка, папы Льва X, композитора Вагнера, пѣвицы Марчеллы Зембрихъ и многихъ другихъ. Однимъ изъ его шедевровъ является также и замѣчательный портретъ знаменитой въ свое время австралийской танцовщицы Сахаретъ, подвизавшейся съ громаднымъ успѣхомъ въ Западной Европѣ. Ленбахъ писалъ смѣлыми, рѣзкими мазками и съ изумительнымъ мастерствомъ передавалъ духъ и внутреннюю жизнь изображаемаго лица. Таковъ именно и воспроизводимый нами портретъ „Танцовщицы Сахаретъ“... Рисунокъ академика Н. Самокиша „Бой у Вязмы 22 октября 1812 года“ съ обычной для этого художника выразительностью изображаетъ одинъ изъ моментовъ знаменитаго сраженія подъ Вязмой, окончившагося дальнѣйшимъ отступленіемъ Наполеона по Смоленской дорогѣ. Героями этого сраженія съ русской стороны были Милорадовичъ и Платовъ. Бой продолжался около 10 часовъ сряду; непріятель потерялъ до 7 тысячъ и принужденъ былъ послѣдно отступить. Въ городѣ во время сраженія сторѣло больше тысячи домовъ и 17 заводовъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Кладъ. Разсказъ Г. Яблочкова. (Окончаніе).—Пиза. Стихотвореніе. Сергѣя Городецкаго.—Сказка Жизни. (Маленькая исторія человѣческихъ страданій). (Окончаніе). Очеркъ Н. Лендера (Путника).—Мурмыло. Разсказъ Николая Архипова.—Гигантскій ростъ и мозговой придатокъ.—Ходъ и перспективы балканской войны. (Обзоръ военныхъ дѣйствій до половины октября).—Результаты славянскихъ побѣдъ (Политическое обозрѣніе).—П. И. Шукинъ.—Къ рисункамъ.—Объявленія.

РИСУНКИ: Въ зеркалѣ бассейна.—Соколиная охота.—Танцовщица Сахаретъ.—Бой у Вязмы 22 октября 1812 г.—Къ событіямъ на Балканахъ (3 рис. и 5 портретовъ).—Гигантскій ростъ и мозговой придатокъ. (7 рис.).—П. И. Шукинъ и его музей въ Москвѣ. (4 рис.).—Дворецъ Науки въ Москвѣ. Городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго.

Нъ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій“ А. А. Фета. кн. 6.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

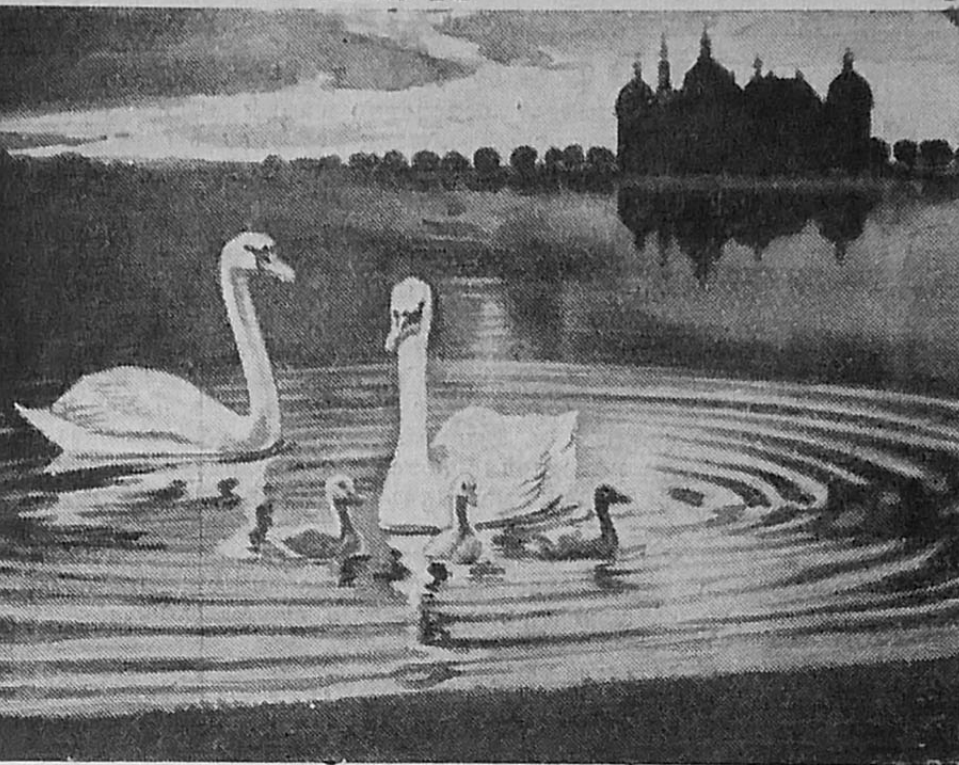
МЫЛО „КОНЕКЪ“

изъ молока лилии

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ
придасть румяный, юношески-свѣжій видъ, чистую,
бѣлую, мягкую, какъ бархатъ, кожу и нѣжный,
ослѣпительно прекрасный цвѣтъ.

По 50 коп. за кусокъ можно получать вездѣ.
Требуйте только красную упаковку.

Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ
Малая Конюшенная № 10.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. проесп.
за двѣ семк. мар. Адресъ: Кіевъ, ред. газ.
„Народная Копѣйка“, отд. 3.

ДАРОМЪ!

Прейсъ-кур. стереоскоповъ, картинъ, открыт.
и новостей. Треб. агенты.—Варшава, Верж-
бовал, 2.—Генер. аг. Акц. О-ва „Н. П. Г.“
Вац. Ян. Дзержавски. 37344

КАМНИ

самоцвѣтн. счастливые
„Уральскій Экспортъ“.
37549 г. Екатеринбургъ, треб. каталогъ. 4-1

„GILLETTE“

(ЖИЛЕТЪ)

БРИТВЕННЫЙ АППАРАТЪ

съ СОГНУТЫМЪ лезвиемъ
НЕ НАДО ПРАВИТЬ И ТОЧИТЬ!

РУКИ ПРОЧЬ!

„ЮРОКСИЛЬ“

безъ хлора, безъ соды,
САМЪ СТИРАЕТЪ БѢЛЫЕ
БЕЗЪ МЫЛА.

Послѣ часовой варки бѣлье
получается
ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ БѢЛИЗНЫ,
Требуйте вездѣ!
Пачка 20 коп.

Южно-Русское Общество 4-1
Торговли Аптекарск. Товарами въ Кіевѣ.

Требуйте

ПАПИРОСЫ

всюду
ВЪ ПОРТЪ-СИГАРАХЪ 25 шт.—15 к.

Картонаж. Фабр.
„ПРОГРЕССЪ“,
СПБ., Вас. Остр., Средн. пр., № 72.

Самая гигиеническая и удобная упаковка.
Всѣ большія Таб. Фабр. имѣютъ таковыя
въ продажѣ. 4-1

ЛѢЧЕНИЕ ЗАПОРА.

Врачъ Липов-
скій для устраненія запора совѣто-
валъ прибѣгать къ впрыскиваніямъ
парафина въ прямую кишку.
Однако какъ врачи, такъ и боль-
ные неохотно прибѣгаютъ къ этому
новому методу лѣченія и предпо-
читаютъ ему старый способъ, со-
стоящій во введеніи лѣкарствен-
ныхъ веществъ черезъ ротъ.

CASCARINE LEPRINCE

(Каскаринъ Лепрэнсъ) устраняетъ
и лѣчитъ запоръ, не нуждаясь въ
цѣломъ арсенатѣ приспособленій,
необходимыхъ, напр., для впрыски-
ваній парафина, которыя не могутъ
обойтись безъ врача, или по край-
ней мѣрѣ безъ опытной сидѣлки.

CASCARINE LEPRINCE

(Ка-
скаринъ Лепрэнсъ) радикально лѣ-
читъ запоръ, благодаря тому, что
упомянутое средство устраняетъ са-
мыя причины этой болѣзни, которая
очень часто ведетъ къ весьма жал-
кимъ послѣдствіямъ. 37504

№ 4711. Eau de Cologne

При переутомленіи отъ интенсивной работы
(духовномъ или физическомъ) „4711 о-де-колонъ“ является
идеальнѣйшимъ освѣжительнымъ и укрѣпительнымъ сред-
ствомъ. — Дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно. — Воз-
вращается ясность ума и повышенная тру-
доспособность. — Занятые много умствен-
нымъ трудомъ должны бы всегда имѣть при
себѣ флаконъ „4711 о-де-колона“.

Употреблять однако слѣдуетъ исключительно марку
„4711“ на сине-золотистомъ ярлыкъ. — По качеству
недостигнуть.

Цѣна флакона: 60 коп., 1 руб., 1 руб. 50 коп.

ПОЧЕМУ МУЖЧИНЫ ПЬЮТЪ!

Я былъ горькимъ пьяницей цѣлыхъ 20 лѣтъ, теперь
бросилъ пить совершенно. Спасибо Вамъ за Вашъ
добрый дружескій совѣтъ.

МАТЕРИ И ЖЕНЫ,

я знаю, что вся тяжесть пьянства ложит-
ся на слабыя плечи женщины; она распла-
чивается за него разбитымъ счастьемъ и
потеряннымъ здоровьемъ, а потому я хочу
Вамъ помочь. Я объясню Вамъ, почему муж-
чины пьютъ и какъ излѣчить ихъ отъ
этого ужаснаго порока у себя дома и даже
безъ ихъ вѣдома.

ДАРОМЪ.

Мой совѣтъ помогъ тысячамъ, онъ
поможетъ и Вамъ. Не откладывайте, на-
пишите мнѣ сегодня. Я немедленно вышлю
Вамъ свою книгу драгоценныхъ ука-
заній, какъ бороться съ пьянствомъ, съ
пояснительными художественными кар-
тинами въ текстѣ, бесплатно. Мой адресъ:
Ш. ЛАСЛЕИ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Ека-
терининскій кан., 12. Отд. 3 / 4

Сиролинъ „Рошъ“

- возбуждающій аппетитъ, пріятный на вкусъ -
способствуетъ выдѣленію мокроты, дѣйствуетъ успокаивающимъ
образомъ при легочномъ катаррѣ, свѣжемъ и застарѣломъ
кашлѣ, коклюшѣ, послѣ Воспаленія легкихъ.

Требуйте въ аптекахъ и аптек. магазинахъ непременно
Сиролинъ „Рошъ“ въ оригинальной упаковкѣ.

ОБУЧАЮ РЕМЕСЛАМЪ

весьма ходк. посредством письменныхъ репетитовъ. Подробности безплатно. **Варшава, Медоуал, 3. И. М. МАТУЗОНУ.**

БЕРЕГИТЕ ВАШУ КРАСОТУ

посредствомъ аппарата „Афро“, системы Д-ра Гарлана, разрѣшен. Варшавской Врачебн. Управой за № 10261, уничтожаетъ въ нѣсколько минутъ морщи, прыщи, угри, рябины, веснушки, подбор., скл. на шеѣ, словомъ, всѣ дефекты лица у женщинъ и мужчинъ. Цѣна чашечки 1 р. 65 коп. Перес. 35 к.; при заказѣ 3-хъ шт. перес. за нашъ счетъ. Высыл. наложн. платеж. безъ задатка. **ДАРОМЪ** къ кажд. аппарат. прилагается руководство для пользованія. Миллионы благодарн. со всѣхъ конц. Россіи. Остерег. поддѣлки. Адрес: 37533 Т-во „Слава“, Лодзь-Н.

ЗИМН. БРЮКИ, ТУЖУРКА И КАРАКУЛЕВ. ШАПКА ЗА 6 Р. 30 К.

высылаю почтой наложен. платеж. Готовы брюки шерст. гладк. прочн. сукна, черн. или т.-син. цвѣта. Зимн. 2-хъ борг. тужурку съ отложн. воротникомъ и искусств. вышн. сорта каракулеву шапку черн. или сѣр. цвѣта, на чисто-шелковой атласной подкладкѣ, всего за 6 р. 30 к. Укажите мѣрки: длину брюкъ и шага, объемъ пояса, груди и объемъ головы. За пересылку при- считываю 65 к., а въ Сибирь еще 70 к., и если не понравится—прини- маю обратно. Адресуйте: М. А. БАБУШКИНЪ, Лодзь, Н.

Шапка въ отдѣльности высылается за 2 руб., а брюки и тужурка за 37374 4 р. 30 к.

D. Schindler-Barney Kaiserl. Rath

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ

„Маріенбадскія Редукціонныя Цилюлы“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и стлчное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ короб-кахъ краснаго цвѣта съ описа-ніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 20-17 36166

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ДЛЯ ВСѢХЪ.

ИНТЕРЕСНОЕ ЗАНЯТІЕ,
ЛЕГКІЙ ЗАРАБОТОКЪ,
НЕ ТРЕБУЕТСЯ ЗНАНІЙ,
МАССА БЛАГОДАРНОСТЕЙ.

Простѣйшіе самоучители:

1. Устр. долговѣч. электр. освѣщ. безъ машинъ и станцій, домашними средств. Выс. за 60 к.; съ нал. пл. 75 к.
2. Изгот. электр. аккумуляторовъ карм. и перен. для освѣщ., автом., велосип. пр. Выс. за 50 к.; съ нал. пл. 65 к.
3. Изгот. сухихъ батареекъ для карм. фонар. Изгот. обход. 3—5 к., возобн. 2—3 к. Выс. за 40 к.; съ нал. пл. 55 к.
4. Установ. телефоновъ и электрич. звонковъ, сигнализ. отъ воровъ, пожара и пр. Выс. за 60 к.; съ нал. пл. 75 к.
5. Устр. лечебнаго электр. аппарата. Обход. въ 5—7 разъ дешевле по купн. Выс. за 50 к.; съ нал. пл. 65 к.
6. Гальванопластика, никкел., золоч., серебр., омѣдн., изгот. клише и пр. Выс. за 1 р. 10 к.; съ нал. пл. 1 р. 25 к.

Всѣ 6 книгъ высыл. за 3 р. 10 к.; съ наложн. платеж. 3 р. 25 к. Проспекты высыл. безплатно. Адрес: Техн. М. А. БОГОЛЪПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—65.

Корсетъ „МАЙО“

д-ра „Кларансъ“ безспорно самый изящный и практичный корсетъ. Совершенно новой постройкой его вполнѣ отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ анатоміи и гігіены. Грудь поддерживается верхи, краемъ корсета, что служитъ одновременно и бюстгалтеромъ, талія плотно обтянута, животъ совершенно скрытъ, бедра красиво сглажены. Такимъ образомъ корсетъ „Майо“, прекрасно облегалъ тѣло, даетъ идеально элегантную фигуру, не стѣсня тѣлодвиж. и не нарушалъ пищеварит. и дыхательн. функций органа. Корсетъ „Майо“ исполн. изъ модн. заграничн. кутилы „Домасъ Броше“ (выработан. шелкомъ цвѣты) съ роскошной отдѣлкой, шелк. шнурами и подвязк. 14 р. 75 к. Такой же корсетъ съ меньшей отдѣлкой и полупелк. подвязками 8 р. 50 к. Такой же корсетъ изъ гладкаго кутила 5 р. 75 к. Высылаемъ налож. платеж. безъ задатка; за непонрав. немедленно возвращаемъ деньги обратно полностью.

Универсальный магазинъ Павелъ Обоимовъ. Москва, Тверская-Ямская, д. 36—12. Отдѣленіе корсетовъ.

Прим.: При требованіи корсетовъ просимъ сообщить № носимаго корсета, или выслать мѣрку съ указаніемъ, какъ снята: съ одной половины корсета или по талии сверхъ платья.

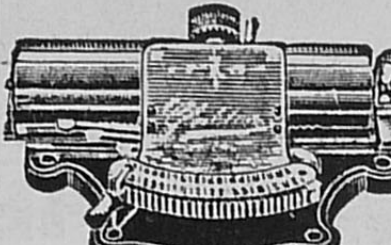
Достаточно только 1 часъ

писать на известной пишущей машинѣ:

„Гладстонъ“

последней модели 1911 года,

чтобы каждый самъ призналъ ея неоспорим. преимущ. передъ всѣми ей подобными. Ея главныя достоинства—это:

УДОБСТВА И КАЧЕСТВА ДОРОГИХЪ МАШИНЪ ПРОСТОТА КОНСТРУКЦИИ И ВИДИМЫЙ ШРИФТЪ.

Цѣна 45 руб. съ пересылкой.

Не смѣшивать съ машинками съ каучуковыми алфавитами, не дающими копій. Множество благодарственныхъ отзывовъ. Каталогъ и образецъ шриф-та, при ссылкѣ на эту газету высылаются безплатно.

Един. представ. для всей Россіи:

Т-во ЛЕОНЪ ЛЕВЪ и К°, Спб. Невскій, 51-2. фирма существуетъ съ 1893 года.

= КУРЕНИЕ =

БЕЗВРЕДНО

весь ВРЕДЪ табачнаго ДЫМА

УНИЧТОЖЕНЪ,

БЛАГОДАРЯ ИЗОБРѢТЕНІЮ

Д-ра Паракса.

Всѣ безъ исключенія могутъ курить безъ всякаго вреда для своего здоровья.

Требуйте научную брошюру Д-ра ПАРАНА, которая высылается совершенно безплатно.

Письма адресуйте: Фабричный складъ Г. ГАЗЕНЪ, С.-Петербургъ, Маринскій рынокъ, Посудная линія, № 8, отд. Н. 37544

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ

ПРИ ПОКУПКѢ ПРОСИТЬ ОБРАЩАТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНІЕ

НА ИМЯ БАША

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСОБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЮ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

ВСЯКАЯ ДАМА

можетъ имѣть

ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ.

Если Вы желаете познакомиться съ нашимъ замѣчательнымъ средствомъ и узнать всѣ подробности объ немъ, то потребуйте нашу красиво иллюстрированную книжку „БЕЛЛА-ФОРМА“, прилагаю 14 коп. марками на почтов. расходы и мы Вамъ вышлемъ такую

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ, почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.

БЕЛЛА-ФОРМА и К°.

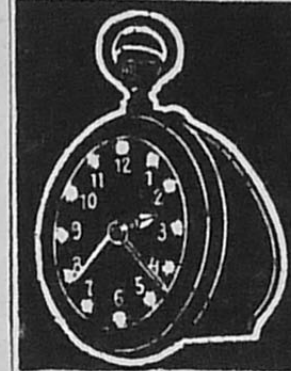
Зимн. брюки рейтузы

за 2 р. 25 к. изъ прочн. зимн. диагонали, хорошо шит., цвѣта: черн., т. и св.-син. и зеленый. Укажите длину брюкъ, шага и объемъ пояса. Выс. почт. нал. плат. безъ задатка. За перес. 55 к., въ Сибирь 75 к., при выпискѣ 3 брюкъ пер. за нашъ счетъ. Не поур. возвр. деньги. Адрес: 37479 А. Кивману, Лодзь, № 30—0.

Сенсацион. новость XX вѣка!

Часы,, РАДИУМЪ“

карман., черн. оксид. стали, открытые, пона- зываютъ время не только днем, но в темнотѣ и ночью, ибо освѣщаются изумительно красив. вѣчнымъ лучеиспусканіемъ новозобрѣтен. вещества радія, какимъ снабжены циферблат. и стрѣлки часовъ „Радиумъ“. Служатъ кромѣ того как: кабинетные, будильник (звонитъ внутри корпуса), напоминаютъ о разн. частн. и служебн. порученіяхъ и отличаются вѣрным, точным, гарантирован. ходом, а потому необходимы каждому. Кто видитъ—восхищается. Фасонъ плоск., изящн. Величина обыкновенная. Цѣна № 1 хорош. сорта 9 р. 90 к., № 2 вышн. качес. 11 р. 75 к., № 3 сам. лучш., механизмъ „Precision“—15 р. 50 к. Высыл. налож. плат. Перес. 55 к. Адрес: Складъ час. А. М. БАХНЕР, Варшава, Электоральная, № 1. 37532

Нужны агенты.

РЕВМАТИЗМЪ

НАКОНЕЦЪ ПОБѢЖДЕНЪ.

Замѣчательное научное открытіе, дающее возможность изгнать изъ челоуѣческаго организма быстро и навсегда мочевую кислоту—причину этой мучительной болѣзни.

50.000 пробныхъ дозъ этого быстро излѣчивающаго средства вы- сылаются

СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО.

Зачѣмъ дальше страдать?

Освободитесь отъ ревматическихъ страданій. Изъ ты- сячи устъ въ скоромъ времени раздадутся хвалебныя гимны по поводу этого замѣча- ельнаго открытія, дающаго быстрое и вѣрное исцѣленіе всѣмъ, страдающимъ муками ревматизма. Теперь представляется случай всѣмъ, стра- дающимъ ревматиз- момъ или подагрой, примѣнять это замѣ- чательное по своимъ результатамъ лѣченіе совершенно БЕЗ- ПЛАТНО. Было до сихъ поръ множество средствъ и системъ лѣченія ревматизма, подагры и болѣзни печени, но ни одно изъ нихъ не обнаружило такого удивитель- наго, быстрого и цѣлебнаго дѣйствія, какъ методъ лѣченія, открытый В. Г. Воллан- стономъ.

Если Вы чувствуете даже небольшія боли, не пренебрегайте Вашими страданіями. Тре- буйте немедленно БЕЗПЛАТНУЮ пробу лѣ- карствъ. Если Вашъ ревматизмъ перешелъ въ хроническій, Вы обязаны немедленно же выписать и принять безплатную пробу этого великаго ревматическаго средства. Молодые и старцы, мужчины и женщины, могутъ быть теперь быстро избавлены отъ всѣхъ стра- даній. Безплатная проба вмѣстѣ съ научной книжкой Волланстона о ревматизмѣ высылается СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО всѣмъ, кто объ этомъ проситъ. Напишите только Ваше имя и адресъ. Пишите отчетливо. Адресуйте:

Вильямъ Гайдъ Волланстонъ, Невскій, 18, кв. 48, С.-Петербургъ. Отд. № 4. А. Б.

**ВСЯКОЕ ЗАБОЛѢВАНІЕ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ ПУТЕЙ,
КАКЪ
БРОНХИТЪ,
КАТАРРЪ, КАШЕЛЬ**

и особенно ихъ хроническія формы подрывають здоровье и крайне опасны для легкихъ. Наилучшимъ усовершенствованнымъ средствомъ, быстро и радикально устраняющимъ болѣзни органовъ дыханія, является общепризнанный французскій препаратъ,

Въ видѣ появившихся поддѣлокъ, требуйте Капслюли МАЙЁ въ алюмин. упаковкѣ, съ тамож. пломбой и красной надписью на бумаж. лентѣ P. MAILLET.

КАПСЮЛИ МАЙЁ „ЭВКАЛИПТІЯ“

строго проверенный на практикѣ и получившій блестящіе отзывы врачей, какъ лучшее средство для леченія болѣзней дыхательныхъ путей.

Капслюли МАЙЁ тщательно дезинфицируютъ зараженные и воспаленныя ткани легкихъ и горла, убиваютъ проникающихъ въ нихъ микробовъ, быстро устраняють кашель, облегчаютъ выдѣленіе мокроты и прекращаютъ воспалительные процессы.

Рекомендуется также врачами при леченіи

ТУБЕРКУЛЕЗА ЛЕГКИХЪ.

Продаются въ аптек. и аптекар. магаз.

Цѣна коробки I руб. 50 коп.

ЛѢЧЕНІЕ РЕВМАТИЗМА.

Всякій, кто говоритъ о ревматизмѣ, можетъ быть заранѣе увѣренъ, что у него будетъ аудиторія и что онъ ее заинтересуетъ. Это—тема, никогда и нигдѣ не теряющая своего всеобщаго интереса.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, безъ различія пола, возраста и образа жизни, не имѣлъ болѣе или менѣе сильнаго ревматическаго припадка? Если отнести къ этому слову, какъ того требуетъ этиологія, всѣ многочисленные и разнообразныя проявленія ревматическаго діатеза—подагру, песокъ, желчнокаменную болѣзнь, хроническую мигрень, „боли“ вообще, артеріосклерозъ, нѣкоторыя кожныя болѣзни и болѣзни волосъ, нѣкоторыя пораженія глазъ,—то придется сказать, что вопросъ касается, прямо или косвенно, трехъ четвертей человѣческаго рода.

Это позволяетъ мнѣ снова затронуть предметъ, который не можетъ еще быть здѣсь исчерпанъ, и сообщить ревматикамъ, что терапія можетъ представить въ ихъ распоряженіе специфическое средство, безусловно превосходящее все, что до сихъ поръ примѣнялось, славилось и даже вызывало восхищеніе.

Это средство, которое уже стало популярнымъ наравнѣ съ антипириномъ и іодистымъ калиемъ, есть Уродональ Chatelain (Шателэна).

Уродональ не только удостоился чести быть представленнымъ въ Медицинской Академіи (10-го ноября 1908 г.) и въ Академіи Наукъ (14-го дек. 1908 г.) профессорами медицинскаго факультета, но уже съ триумфомъ вошелъ въ повседневную практику, гдѣ онъ быстро заслужилъ благословеніе больныхъ и похвалы врачей.

Если бы мнѣ пришлось воспроизвести здѣсь всѣ многочисленные аттестаціи практикантовъ, которыя, испытавъ Уродональ Шателэна, считали своимъ долгомъ воздать честь этому средству, на это ушло бы, по крайней мѣрѣ, половина этого журнала. Поэтому я ограничусь резюмированіемъ послѣдняго изъ этихъ документовъ, только-что появившагося въ „Journal des Practiciens“ за подписью одного опытнаго интерна.

„Мы испробовали за послѣдніе мѣсяцы,—пишетъ авторъ:—новое средство Уродональ Chatelain (Шателэна), дающее поистинѣ замѣчательные результаты. Мы ни разу не прибѣгали къ нему напрасно и каждый разъ получали излѣченіе нашихъ больныхъ. У артритиковъ, принимавшихъ Уродональ по нашему совѣту каждый мѣсяць, ежедневно въ теченіе 10-ти дней, въ дозѣ 3—4 кофейныхъ ложечекъ въ день, не было болѣе приступовъ: ревматизма у однихъ, коликъ у другихъ, мигрени у третьихъ. Этотъ періодическій мочевоы дренажъ ставитъ, такимъ образомъ, больныхъ въ благопріятное положеніе по отношенію къ рецидивамъ. Такой результатъ является крайне интереснымъ, дающимъ въ руки врача очень серьезное оружіе“.

Кромѣ того, авторъ приводитъ нѣсколько убѣдительныхъ наблюдений, которыя я не могу не цитировать здѣсь:

К..., отставной генераль, 66 л., каждый годъ страдаетъ приступами подагры. Послѣдній очень сильный приступъ былъ излѣченъ вышеописаннымъ способомъ большими дозами Уродонала Шателэна. Теперь больной не имѣетъ больше никакихъ приступовъ и приписываетъ этотъ пріятный сюрпризъ тому, что ежемѣсячно принимаетъ Уродональ Шателэна.

М-мъ В..., тридцати семи лѣтъ, страдала съ шестилѣтняго возраста сѣдалищной невралгіей, не поддававшейся никакому лѣченію. Уро-

дональ оказалъ дѣйствіе въ три недѣли. Вотъ уже 6 мѣсяцевъ пациентка не чувствуетъ никакой боли.

Д..., 29 л., парикмахерскій подмастерье, болѣлъ острымъ ревматизмомъ и, несмотря на анкилозироваанные и болѣзненные суставы, вполнѣ залѣчился въ 9 дней Уродоналомъ Шателэна.

На самомъ дѣлѣ, это благодѣтельное дѣйствіе не заключаетъ въ себѣ ничего чудеснаго и легко объясняется, если принять во вниманіе:

1) что артритизмъ во всѣхъ своихъ формахъ совпадаетъ съ урицэмией въ томъ смыслѣ, что при немъ всегда имѣется увеличеніе кровяного яда, называемаго мочевоы кислотой;

2) Уродональ Шателэна, по своему химическому составу (лизидинъ, хинная соль пиперазина (сидональ), уротропинъ), долженъ быть наиболѣе энергичнымъ растворителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивающимъ образованіе мочевоы кислоты, въ 35 разъ болѣе сильнымъ, чѣмъ соли литія.

Это изложеніе было бы неполнымъ, если бы я не упомянулъ, что Уродональ, кромѣ того, лишенъ всякаго вреднаго дѣйствія на сердце, мозгъ, артеріи, почки и желудокъ.

„Анализы мочи,—читаемъ мы въ „Journal des Practiciens“,—которыя мы продѣлали при многихъ приступахъ, съ другой стороны, убѣдили насъ, что Уродональ Шателэна вызывалъ настоящій потокъ мочевоы кислоты. Это весьма важно. Недостаточно растворить мочевоы кислоту, нужно также способствовать ея выдѣленію“.

Это убѣдительно заявленіе получено нами отъ всѣхъ практикантовъ, употреблявшихъ это средство (д-ръ Solo-Lebovici, д-ръ Bougeille, д-ръ Joubert, проф. Maturi и др.). Всѣ признають паразитическое дѣйствіе Уродонала Шателэна, который поистинѣ является для ревматизма „тѣмъ, чѣмъ является хининъ для болотной лихорадки“. Изъ ихъ работъ видно, что полный курсъ лѣченія Уродоналомъ Шателэна (3 флакона) окончательно освобождаетъ наиболѣе нагруженный организмъ отъ мочевоы кислоты и избавляетъ совершенно отъ рецидивовъ.

Терапія, такимъ образомъ, обогатилась средствомъ высшаго порядка, очень дѣйствительнымъ, совершенно безопаснымъ и обладающимъ постояннымъ и надежнымъ дѣйствіемъ, какъ это и говорить сенсационное сообщеніе въ Парижской Медицинской Академіи о „лѣченіи урицэмией Уродоналомъ Шателэна“.

Этимъ объясняется, что жюри франко-англійской выставки присудило золотую медаль Уродоналу Шателэна, а выставки въ Нанси и Кито—двѣ главныя награды, что иностранныя правительства разрѣшили ввозъ этого средства, равно цѣннаго въ ихъ странахъ, и что Морской Министръ допустилъ Уродональ, послѣ отзыва высшаго санитарнаго совѣта и заключительныхъ опытовъ, въ морскіе госпитали.

Еще одна болѣзнь исчезнетъ.

Д-ръ ДОРІАНЪ.

Уродональ Шателэна продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Выдающийся успѣхъ Уродонала Шателэна вызвалъ многочисленныя подражанія, не имѣющія цѣнности.

97509

ТРЕБУЙТЕ УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЭНА.

НОВОСТИ ПАРИЖА.

Новая интересная англійская игра **POP-IN-TAW** успѣхъ и смѣхъ всѣхъ 1 р. 75 к.

Остроумныя заграничныя шутки, фокусы и веселыя игры. Шутки: „Порошокъ блоха“, очень смѣшно—35 к. „Узы любви“ (вложите въ отвер. указ. пальцы)—30 к. „Голосъ съ того свѣта“ (оригинальн. ловилка)—55 к. „Бой посуды“, испугъ хозяйки, необычайн. эффектъ—85 к. Чихательн. порошокъ—30 к. „Дама изъ Амстердама“, красив. париж. жанръ—45 к. „Теноръ Карузо“ (при сжиман. въ рукѣ получается интимный звукъ), общій хохотъ—75 к. „Движущіеся силуэты“, пикантныя позы—65 к. „Веселая вдова“, японск. головоломка—2 к. Гопъ! Гопъ! Гопъ! Японская головоломка, очень остроум.—25 к. „Колода Брюса“, нов. карт. фокусы—1 р. 15 к. 10 поразит. карт. фокус.—40 к. 87548

Игры для взрослыхъ. Послѣдн. новости. „Любовь боговъ“, веселая игра—75 к. „Скачки дома“, интр. игра съ тотализат.—1 р. 95 к. „Флиртъ цвѣтовъ“, игра остроумия—1 р. 60 к. „Московскіе трамваи“, интересн. игра на планѣ города.—2 р. 95 к. „Цыганка гадалышца“, на потѣху молодымъ, на разумье старымъ!—95 к. Высылаемъ налог. платеж. безъ задатка. Магазины заграничн. новостей „Тверской Базаръ“, Москва, Тверская, д. № 30. Прим.: При выпискѣ на 1 р. или менѣе, требуется присылка всей суммы полностью (можно марки).

НЕ НА НОГАХЪ, А НА РУКАХЪ

Вы носите Ваши чулки и носки, потому что они больше въ штоткѣ, чѣмъ въ носкѣ; это общее явленіе. Избѣгайте его, покупая только чулки, носки, гладкіе и на резинѣ, безъ шва съ двойными пятками и носками изъ наст. англійск. шерсти (гарантин), прочной домашней работы, исполненные кустар. способ. въ городахъ, селахъ и деревняхъ на нашихъ авт. вязальн. машинахъ. Мы высылаемъ кому угодно за нашъ счетъ по полученіи стоимости переводомъ или почтов. марками.

2 пары 1 р. 50 к., 6 паръ 4 р. 50 к., 12 паръ 8 р.

Торговцамъ скидка.

Томась Г. Виттикъ Кюнау, №

Спбургъ, Невскій 48 23 А

МАЗЬ ГАККЕЛЬ

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО
от насморка —
МАЗЬ ГАККЕЛЬ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
СПБ., Пушкинская Аптека, Пушкинск., 9.
Высыл. налож. плат. за 1 руб. 3 тубы.

„НАША ОХОТА“

А. П. Ивашенцовъ. Бой и служба дробового ружья. Съ рисунками 1 р. 60 к.
С. А. Бутурлинъ. Стрѣльба пулей. Томъ I. Большіе калибры. 455+16 стр. 248 рис. Цѣна вмѣстѣ съ полнымъ комплектомъ журнала „Наша Охота“ за 1911 г. 6 р. 50 к.
Н. Н. Фоминъ. Забѣты охотника. 256 стр. 2 р. Его же. Очерки и рассказы. Изд. иллюстр. 1 р. 25 к. Охота и охотники. 286 стр. 60 к.
А. Г. Раснеръ. Морская охота под Петербургомъ. 60 к. Охотничій сборникъ. Собрание новыхъ произвед. и стихотвореній. Богато иллюстр. изящное изд. 392+8 стр. 3 р. Для подписч. 1912 г. 1 р. 50 к. Очередная книжка журн. „Наша охота“ 35 к. Выписыв. изъ ред. журн. „Наша охота“ СПБ., Б. Писадская, 18 за перес. не платитъ. Можно 3-1 налож. платеж. — на 20 к. дор.

Торг. Домъ Льва Рубашкина Лодзь, Н. М.

высылаетъ по почтѣ налож. плат. безъ задатка необходимое каждому для зимы, каракулевою шапку и куртку только за 4 р. 1) Каракулевая шапка изъ искусств. высшего сорта чернаго или сѣраго карака., на черн. чисто шелков. атласной или меховой подкладкѣ и ватѣ. При зак. указ. объемъ гол. 2) Визаннскій пиджакъ, эластич., обхват. плотно фигуру, хорошо заш. отъ холода. Изящно отд. тесьм. Во всѣхъ цвѣт. При зак. ук. объемъ груди. За перес. и упак. въ ящикѣ одной шапки и куртки присч. 55 к., въ Сиб. 95 к. При зак. 3-хъ и болѣе паръ перес. за нашъ счетъ. Безъ риска, за непоправ. тов. возвр. деньги сполна.

ТОРГОВО-ФАБРИЧНОЕ Т-ВО
И. ВИКОКУРОВЪ и Н. СИВИЦКІЙ.
магазины граммофоновъ и пластинокъ
СПБ., НЕВСКІЙ 57. САДОВАЯ 29 и 35.
ГРАММОФОННЫЯ двухъ стороннія
пластинки „ГРАНДЪ“ 10 дюйм.
Оригиналы (не копировка) лучш. фабр.
ТОЛЬКО 15 КОПѢЕКЪ
по **15** за пѣсню.
Двухстор. пластинки новѣйш. записи
АКЦИОНЕРНАГО О-ВА ГРАММОФОН.
вмѣсто 2 р. только по 1 р.

КАТАЛОГИ ПЛАСТИНОКЪ
БЕЗПЛАТНО.

ГЕВЕРТЬ-КОНКУРСЪ

Руб. 10,000
(Франк. 25,000)

НАЛИЧНЫМИ

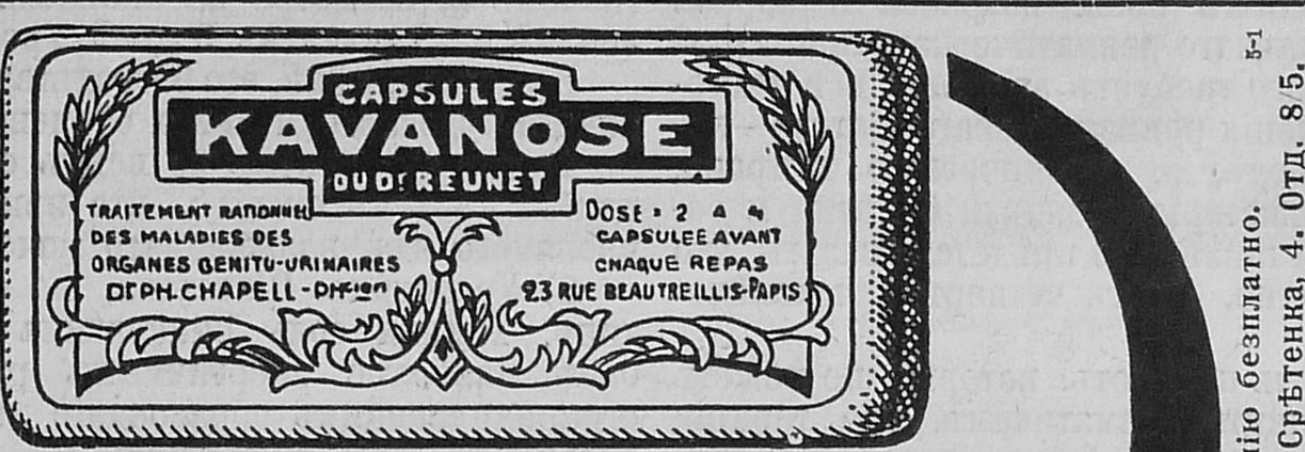
Окончател. срокъ приема отпечат.
1-го Декабря 1912 г.
Условія у **Э. БОМОНЪ**, Москва, 633, А.
Генерал. Представ. Анц. О-ва **Л. Геверт и К°**
ВЕЛИЧАЙШЕЙ ВЪ МИРѢ ФАБРИКИ.
ФОТОГРАФ. БУМАГ.

ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ
ОРИАНТИНЪ

фирмы „Parfumerie d' Orient“
лучше всѣхъ красокъ
для волосъ!
ПРОДАЖА ВЕЗДѢ!

Въ значительно увеличенномъ размѣрѣ художественный журналъ
„СОЛНЦЕ РОССІИ“
ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ
Льва Николаевича Толстого
выѣдетъ 7-го **НОЯБРЯ 1912 г.**
(въ день годовщины смерти великаго писателя).

ГОНОРРЕЯ

Острая и хроническая успѣшно поддаются лечению
НОВЫМЪ КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАНЫМЪ ПРЕПАРАТОМЪ
КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ,
удостоившимся **ЛУЧШИХЪ ОТЗЫВОВЪ** въ специальной
медицинской прессѣ.
КАВАНОЗЪ Д-ра РЕНЭ разрушаетъ гоноррейныхъ
микробовъ, прекращаетъ истечения, рѣзи, боли и
быстро устраняетъ воспаленіе мочевого канала.
РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ.
Прод. въ аптекахъ и аптекарск. магаз.
Цѣна кор. 1 р. **65 к.**
Требуйте оригинальную аллюминіевую
упаковку съ таможенной пломбой.

ВЕЛИКІЙ ИНДѢЙСКІЙ ПРОРОКЪ

Пундितъ Амаръ Натъ,
Величайшій Психологъ
Нашею Вѣка.
PUNDIT AMAR NATH,
230, Holborn Hall,
LONDON, W. C., ENGLAND.

предлагаетъ Вамъ **ДАРОМЪ** Успѣхъ,
Силу, Счастье, Помощь и Жизнь.
Очертаніе всѣмъ тѣмъ, кто только заплатитъ
почтовые расходы.

Отъ времени до времени появляются великіе пророки, для которыхъ нѣтъ ничего невозможнаго и для которыхъ всѣ тайны открываются мистической силой.

Такой пророкъ — и величайшій изъ всѣхъ — Пундитъ Амаръ Натъ, который предлагаетъ Вамъ свою помощь. Хотите Вы обезпечить себя силой, вліяніемъ, успѣхомъ, здоровьемъ и счастьемъ? Хотите, чтобы темная завѣса, прикрывающая будущность, была приподнята? Онъ пошлетъ Вамъ очерчаніе съ Вашего почерка совершенно даромъ, а также абсолютно безплатный урокъ чуднаго метода тайнаго Браминскаго Успѣха, который дастъ Вамъ возможность успѣвать во всемъ.

Вы въ состояніи будете контролировать мысли и дѣйствія другихъ; лѣчить болѣзни, дурныя привычки и сможете стать буйвально хозяиномъ Вашей среды.

Хотѣли бы Вы знать Вашу **СУДЬБУ, СЧАСТЬЕ и БУДУЩНОСТЬ?**

Въ такомъ случаѣ не медлите и напишите сейчасъ же. Предложеніе, которое Вамъ дѣлаетъ Пундитъ, совершенно безплатно, и Вамъ только слѣдуетъ прислать 50 коп. марками для покрытия почтовыхъ и др. расходовъ.

Напишите письмо Вашимъ обыкновеннымъ почеркомъ
ПУНДИТЬ АМАРЪ НАТУ,
230, Гольборнъ Голь,
ЛОНДОНЪ, В. С., АНГЛІЯ.

Письмо въ Англію оплачивается 10 коп. маркой.

МАРКИ
для
КОЛЛЕКЦІИ
Прейсъ-кур. бесплатно.
ЭДМУНДЪ БАДЕ,
СПБ., Невскій, 34.

Зимнія Брюки Диагоналевья
за 1 руб. 90 коп.

Высылаемъ почтой налож. плат. дѣл. лый отръзъ высшего сорта диагоналя въ 1 арш. 10 верш. для цѣд. брюкъ. Цвѣта: черн., т.-син. и зелен. всего за 1 р. 90 к. Диагональ отличается прочн. и практич. въ носкѣ; по желанію высылаются готовые брюки за 2 р. 75 к. При заказѣ брюкъ указать мѣру. За перес. присчитыв. 55 к., въ Сибирь 95 к. При выпискѣ 3-хъ отръз. или 3-хъ брюкъ перес. за нашъ счетъ. Не поправ. приним. обратно. Адресов.: гор. Лодзь, — 6, Т-во „ФАБРИКАНТЪ“, почт. ящ. 562.

„PILULE MARBOR“
(ПИЛЮЛИ МАРБОРЪ)

Эти пилюли благотворно отражаются на здоровьѣ, онѣ не имѣютъ себѣ соперниковъ для развитія, укрѣпленія, придавая соразмѣрность, граціозную полноту, въ то же время не утѣшая талии.

Флаконъ съ наставлен. 3 р. 50 к. Фран.
„PILULE MARBOR“
5, Passage Verdeau, 5,
Paris.

Депо въ С.-Петербурѣ, Аптека В. Бюлеръ, 49, Невскій пр.; въ Москвѣ — аптека Брунсъ, Маросейка; въ Кіевѣ, аптека Юротатъ; Тифлисъ — Парфюм. магаз. I. Б. Сегаль; въ Вильнѣ и Одессѣ, Гаваннал, 9.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на выходящій въ Петербургъ съ января 1913 года ежемѣсячный новый литературно-политич. журналъ
КРУГОЗОРЪ.

Форматъ сборниковъ „Знанія“.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой. 3 руб. — полгода съ доставкой и пересылкой.
За границу: 1 г. 10 р., 6 м. 5 р.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Раскрывая страницы нашего журнала для всего живого, бодрого, честнаго и талантливаго, мы будемъ поддерживать въ нашихъ читателяхъ вѣру въ вѣчные идеалы права и правды, твердо вѣруя, что конечная побѣда всегда останется за ними, какъ бы и кто бы ни стремился задержать наступательное движеніе истиннаго прогресса. Мы будемъ неустанно бороться съ проповѣдниками чело-вѣконенавистничества и племенной вражды; съ темными силами и врагами свѣтлаго будущаго нашей родины; съ современнымъ моднымъ кривляніемъ, декаденсциной, безвольнымъ нытьемъ, преднамѣреннымъ обоглаченіемъ жизни, возбужденіемъ дурныхъ инстинктовъ, искаженіямъ и порчей чистоты русскаго языка.

Въ журналѣ „Кругозоръ“ принимаютъ постоянное участіе: Арефинъ, С. Я., Бараневичъ, К. С., проф. Батушковъ, Ф. Д., Бентовичъ, Б. И., Будищевъ, А. Н., проф. Венгеровъ, С. А., Ммксимъ Горькій, Гусевъ-Оренбургскій, С. И., Измайловъ, А. А., Купринъ, А. И., Никоновъ, Б. П., Петровъ, Гр. С., Потапенко, И. Н., Разумовскій, С. Д., Рославлевъ, А. С., Румановъ, А. В., Петръ Рысь, Свѣтловъ, В. Я., Сургучевъ, И. Д., Телешовъ, Н. Д., Толстой, гр. А. Н., Фидлеръ, Ф. Ф., д-ръ Чеховъ, В. В., Яблочковъ, Г. А., и мн. др.

Во главѣ журнала становится писатель Влад. А. Тихоновъ (Мордвинъ).

ОТДѢЛЫ ЖУРНАЛА: Беллетристика оригинальная и переводная. Внутреннее и вѣншнее обозрѣніе. Воспоминанія и мемуары. Путешествія. Научныя статьи. Судебные процессы. Критика. Общеніе съ читателями.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Контора редакціи журнала „Кругозоръ“ — Фонтанка, 86, кв. 59; 2) Книжн. маг. М. О. Вольфъ, Спб., Гостинный дворъ, № 18; 3) Книжн. маг. Карбасникова, Спб., Гостинный дворъ; 4) Кн. скл. М. В. Аверьялова, Спб., Фонтанка, 38; 5) Контора Н. Н. Печковской, Москва, Петровскій линіи, и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ.
Редакторъ-Издатель **ВЛ. А. ТИХОНОВЪ.**